

Дмитрий Мордовин

РАЗБИТЫЙ КОД

2. Обратная сторона

Дмитрий Мордовин

РАЗБИТЫЙ КОД 2.
Обратная сторона

«Автор»

2026

Мордовин Д. А.

РАЗБИТЫЙ КОД 2. Обратная сторона / Д. А. Мордовин —
«Автор», 2026

Некоторые ошибки можно исправить. Другие заставляют усомниться в том, что ты вообще знаешь правду. Элли Уорд расследует исчезновение Томаса Вейла и выходит на след исследования, способного поставить под сомнение привычную картину мира. Фотографии противоречат известным фактам, документы фиксируют события, которых никто не помнит, а люди уверенно рассказывают о прошлом, которое невозможно совместить с чужими воспоминаниями. Что, если ошибка скрыта не в данных, а в самой реальности, которую ты считал единственно возможной?

© Мордовин Д. А., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Мордовин

РАЗБИТЫЙ КОД 2. Обратная сторона

«Каждое действие оставляет след в ткани реальности,

каждый выбор создаёт бесконечные возможности.

Но кто мы без своих ошибок и утрат,

и какой ценой мы готовы изменить прошлое?»

— Неизвестный автор

Часть I. След

Глава 1. Исчезновение

Утро началось совершенно обычно.

Элли проснулась раньше будильника и несколько секунд лежала неподвижно, глядя в потолок. Она пыталась вспомнить сон, который только что закончился, но тот уже рассыпался на отдельные образы, не оставляя после себя ничего, кроме смутного ощущения тревоги. За окном начинался новый день. Внизу хлопнула дверь подъезда, по улице прошла первая машина, где-то вдали коротко просигналил автобус.

Элли посмотрела на часы — 6:47. Будильник должен был прозвонить через три минуты. Она выключила его заранее и встала.

За последние несколько месяцев она привыкла просыпаться раньше будильника. Возможно, после всего случившегося её организм просто разучился полностью расслабляться.

На кухне она поставила чайник и открыла ноутбук. Входящих сообщений оказалось немного. Реклама, несколько рабочих писем, сообщение от бывшего клиента, который благодарил её за помощь и обещал порекомендовать знакомому. Элли улыбнулась. Частная практика постепенно возвращалась к обычной жизни. Именно этого она и хотела. Обычной жизни. Без лабораторий, закрытых помещений и оборудования, назначение которого невозможно объяснить несколькими словами. Без странных сигналов, исчезающих людей и вопросов, на которые не существовало нормальных ответов. Ей вполне хватало потерянных документов, семейных конфликтов, мошенничества и прочих проблем, которые при желании можно было свести к человеческим ошибкам, случайности или обычной невнимательности.

Иногда ей даже казалось, что последние события были настолько невероятными, что могли произойти только один раз. И больше никогда не повторятся.

Элли налила чай, села за стол и открыла список текущих дел. Несколько минут она просматривала записи, отвечала на сообщения и отмечала то, что требовало внимания. Работа постепенно вытесняла остатки утреннего беспокойства. В 7:31 раздался звонок в дверь. Элли подняла голову. Она никого не ждала.

Через несколько секунд звонок повторился — два коротких сигнала. Она встала и подошла к двери.

— Кто там?

За дверью послышался женский голос:

— Элли? Мне сказали, что вы можете помочь.

Элли открыла.

На площадке стояла женщина лет сорока. В одной руке она держала небольшую сумку, в другой — телефон. Она выглядела уставшей, будто почти не спала несколько ночей. Взгляд женщины сразу сказал Элли больше, чем её слова. Это был человек, который пришёл не за советом. Он пришёл потому, что больше не знал, к кому обратиться.

— Что случилось? — спросила Элли. Женщина крепче сжала телефон.

— Мой муж пропал.

Женщина представилась Мариной Вейл. Ей было около сорока лет. Она говорила спокойно, но Элли заметила, как сильно она сжимает телефон в руке.

— Моего мужа зовут Томас. Томас Вейл. Ему сорок два. Он исчез три дня назад. Элли указала на кресло напротив стола.

— Расскажите всё с самого начала. Марина села, поставила сумку рядом и на несколько секунд замолчала, словно пыталась собрать мысли.

— В понедельник утром он ушёл на работу, как обычно. Ничего необычного не было. Мы даже позавтракали вместе. Он сказал, что вечером вернётся пораньше, потому что хотел закончить какой-то проект.

— А вечером не вернулся?

— Нет. Сначала я решила, что задержался. Потом позвонила ему. Телефон был недоступен. В десять вечера я уже начала беспокоиться. К полуночи стало понятно, что что-то не так. Элли сделала несколько записей.

— Раньше такое случалось?

— Нет. Томас мог задержаться на работе, мог забыть предупредить, но никогда не исчезал вот так.

— Машина?

— Осталась дома.

— Телефон?

— Выключен.

— Банковские карты?

Марина покачала головой.

— После того как он исчез, ни одной операции.

Элли подняла взгляд от блокнота.

— Он оставил какие-нибудь вещи?

— Всё осталось. Телефон, документы, банковские карты. Даже куртка, которую он обычно надевает вечером.

— Записку не оставил?

— Ничего.

Картина складывалась слишком просто. Человек вышел из дома и исчез, не взяв с собой ничего необходимого. При этом следов борьбы или очевидного происшествия не было.

— Полиция уже занимается поисками? — спросила Элли.

— Да. Я сразу обратилась туда. Марина достала из сумки несколько листов и положила их на стол.

— Они проверили камеры, опросили соседей, посмотрели его телефон. Пока ничего. Элли пробежала глазами по документам.

— И что они думают? Марина помедлила.

— Они считают, что он мог уйти сам.

— Почему?

— Потому что нет признаков преступления. Один из сотрудников сказал, что взрослый человек имеет право уйти из дома, если хочет. Возможно, у него были личные проблемы. Возможно, он просто решил начать всё заново. Она произнесла последние слова с таким выражением, будто сама не могла поверить в них.

— Вы так не думаете?

— Я прожила с ним пятнадцать лет, — тихо ответила Марина. — Если бы Томас хотел уйти, он хотя бы взял паспорт.

Элли ничего не ответила. В этом действительно была логика. Марина посмотрела на неё.

— Я не прошу вас найти его вместо полиции. Просто хочу понять, что произошло. Пожалуйста.

Элли ещё раз посмотрела на бумаги. Обычное дело о пропавшем человеке. Пока ничего не указывало на что-то большее. Но в подобных делах самое важное часто находилось не в том, что произошло, а в том, **чего почему-то не произошло**. Она закрыла папку.

— Хорошо. Я посмотрю дело. Марина впервые за всё время немного расслабилась.

— Вы согласны?

— Да. Но мне понадобятся все материалы, которые у вас есть. И я хочу осмотреть квартиру Томаса.

— Конечно.

Марина достала из сумки ключи. Элли взяла их и положила рядом с папкой. Она ещё не знала, что через несколько часов найдёт там фотографию, которую уже однажды видела. Только тогда она поймёт, что исчезновение Томаса Вейла началось задолго до того, как он не вернулся домой.

По дороге к квартире Элли ещё раз просмотрела записи и решила подробнее расспросить Марину о её муже. Если исчезновение действительно было добровольным, нужно было понять, что могло к нему привести. Если же нет — любая мелочь могла оказаться важной.

— Чем Томас занимался? — спросила она.

— Он инженер. Работал специалистом по техническим системам в одной частной компании. В основном занимался оборудованием, диагностикой, иногда ездил на объекты.

— Давно там работал?

— Почти девять лет.

— Были проблемы на работе?

— Насколько я знаю, нет. Он вообще редко рассказывал о работе. Не потому, что что-то скрывал. Просто такой человек.

— Замкнутый?

— Скорее спокойный. Он мог часами сидеть над какой-нибудь схемой и совершенно забыть о времени. Но с близкими он был другим. Элли записала несколько слов в блокнот.

— За последнее время вы замечали в нём что-нибудь необычное? Марина задумалась.

— Теперь, когда вы спрашиваете... да. Наверное.

— Что именно?

— Последние несколько недель он стал обращать внимание на квартиру. На мелочи.

— Какие?

— Несколько раз спрашивал меня, не замечала ли я каких-нибудь изменений. Элли подняла глаза.

— Изменений в квартире?

— Да. Сначала я даже не поняла, о чём он говорит. Например, однажды вечером он спросил, не переставляла ли я дверь в его кабинет.

— Дверь?

— Да. Сказал, что раньше она открывалась в другую сторону. Элли нахмурилась.

— А вы действительно её не меняли?

— Конечно, нет. Я даже рассмеялась. Сказала, что он просто путает. Но через несколько дней он спросил то же самое снова.

— И что ещё? Марина пожала плечами.

— Были другие мелочи. Он однажды спросил, почему на стене нет фотографии, которая, по его словам, раньше там висела. Но я никогда не видела там никакой фотографии. Элли на секунду задумалась.

— Он мог её сам убрать?

— Я спросила его об этом. Он сказал, что точно помнит, что не убирал.

— И вы ничего необычного не заметили?

— Нет. Поэтому я решила, что он просто устал. У него в последнее время было много работы. Элли записала последнюю фразу и закрыла блокнот.

Пока в рассказе Марины не было ничего, что могло бы объяснить исчезновение Томаса. Люди действительно ошибаются в воспоминаниях, путают детали, особенно если долго живут в одном и том же месте. Дверь, фотография, переставленный предмет — всё это могло оказаться обычной невнимательностью. Но Элли всё же запомнила одну вещь. Томас Вейл начал сомневаться в том, что **правильно помнит собственный дом**. И почему-то именно это показалось ей более странным, чем всё остальное.

Квартира Томаса находилась в старом жилом доме недалеко от центра. Марина открыла дверь и пропустила Элли вперёд. Внутри было тихо. Ничто не напоминало о том, что хозяин исчез три дня назад.

— Здесь всё осталось так, как было? — спросила Элли.

— Практически. Я ничего не трогала после того, как обратилась в полицию.

Элли медленно прошла по комнатам. В гостиной всё выглядело совершенно обычно: книги на полках, несколько фотографий, телевизор, кресло у окна. На кухне стояла кружка, которую, судя по всему, Томас оставил перед уходом. Никаких следов борьбы, беспорядка или чего-либо ещё, что могло бы указывать на внезапное происшествие.

Рабочий кабинет оказался гораздо интереснее. У стены стоял широкий стол, на котором лежал ноутбук, несколько блокнотов и стопка распечатанных схем. Рядом находился старый внешний накопитель. На полке — техническая литература и справочники. На другом краю стола стояли электронные часы, показывавшие точное время.

Элли подошла к столу и начала осматривать бумаги. Большинство схем были связаны с техническим проектом, над которым Томас, вероятно, работал в последнее время. На первый взгляд ничего необычного. Никаких странных обозначений, непонятных формул или признаков того, что он занимался чем-то секретным.

Она открыла один из блокнотов. Несколько страниц были заполнены расчётами, дальше шли короткие рабочие записи. Элли пролистала их и положила блокнот обратно.

На краю стола лежали фотографии. Несколько семейных снимков, фотографии с каких-то поездок, старые фотографии самого Томаса. Элли взяла верхнюю, быстро посмотрела и вернула на место.

Затем её взгляд остановился на одной фотографии, лежавшей отдельно от остальных. Она была немного помята по краям и лежала лицевой стороной вниз. Элли уже протянула руку, но остановилась. Почему-то ей не хотелось брать её первой. Она посмотрела на Марину.

— Эта фотография раньше здесь лежала? Марина подошла ближе.

— Не знаю. Возможно. А что?

— Ничего.

Элли ещё раз взглянула на снимок, но переворачивать его не стала. Она решила сначала закончить осмотр. Фотография осталась лежать на столе лицевой стороной вниз.

Элли снова села за компьютер Томаса. Она уже просмотрела основные рабочие папки, но решила проверить документы, которые не относились напрямую к его текущим проектам. Среди них была папка с обычным названием **archive_17**. Ничего необычного — несколько текстовых файлов, таблицы, старые отчёты и записи с датами. На первый взгляд всё выглядело как обычный рабочий архив.

Элли открыла один из файлов. Внутри были короткие заметки, расположенные по датам. Большинство из них ничего ей не говорили: номера помещений, результаты проверок, какие-то технические параметры. Она уже собиралась закрыть документ, когда заметила одну запись, стоявшую отдельно от остальных. Она перечитала её ещё раз:

«Иногда человек помнит место правильно, но не ту версию этого места».

Элли несколько секунд смотрела на экран. Фраза была странной. Не похожа на техническую заметку и слишком конкретная, чтобы быть случайной мыслью. Она пролистала документ выше и ниже, пытаясь найти объяснение, но ничего похожего больше не обнаружила. Элли достала телефон и сфотографировала экран. Затем закрыла файл и вернулась к папке. Она пока не знала, что именно имел в виду Томас. Но почему-то решила сохранить эту запись.

Элли ещё несколько секунд сидела перед закрытым компьютером, после чего снова вспомнила о фотографии, которую заметила раньше. Она подошла к шкафу, где оставила её, и осторожно подняла снимок со стола. На фотографии были изображены три человека. Одного Элли узнала сразу — это был Томас Вейл. Рядом с ним стоял незнакомый мужчина лет сорока, а позади них виднелась улица с невысокими зданиями. Снимок был сделан днём, но по свету и теням невозможно было точно определить время.

Элли перевернула фотографию. На обороте аккуратным почерком была записана дата. Она ещё раз посмотрела на лицевую сторону. Томас стоял немного сбоку, незнакомый мужчина — рядом с ним, оба смотрели в объектив. На заднем плане виднелось здание с характерными окнами и широкой каменной лестницей. И вдруг Элли замерла. Она знала это место.

Не потому, что когда-то жила там или видела его на фотографиях в интернете. Она уже была там. Только это было невозможно. Элли медленно села на край стула и снова посмотрела на снимок. В памяти всплыл другой день — тот, о котором она старалась не вспоминать слишком часто. Лаборатория Кесслера. Мост. Переход. Другая сторона. И фотография. Она видела её там.

Не похожую. Не похожий снимок с тем же зданием. Не фотографию с людьми, которые случайно стояли примерно так же. Именно эту. Те же люди. Томас Вейл. Незнакомец рядом с ним. То же здание на заднем плане. Та же улица. Та же композиция кадра.

Элли почувствовала, как внутри всё сжалось. Она ещё раз посмотрела на фотографию, словно надеялась обнаружить какую-нибудь мелочь, которая всё объяснит. Может быть, память её подвела. Может быть, после всего произошедшего она просто связала два совершенно разных изображения.

Она закрыла глаза и попыталась восстановить тот момент. Нет. Она помнила эту фотографию слишком хорошо. Элли открыла глаза и снова посмотрела на снимок.

— Нет... — тихо сказала она.

Потом ещё раз перевернула его и посмотрела на дату. Теперь странной была уже не запись в компьютере. Странной стала сама фотография.

Элли достала телефон и снова открыла фотографию. Она увеличила изображение, стараясь рассмотреть лицо мужчины, стоявшего рядом с Томасом. Качество снимка было не слишком хорошим, но лицо постепенно стало различимым. Элли замерла. Она помнила этого человека.

Не имя — по крайней мере, сейчас она не могла его вспомнить. Но лицо она уже видела. Оно было связано с событиями, которые произошли после её перехода и которые она не могла объяснить обычной логикой.

Элли ещё сильнее увеличила фотографию. Пиксели расплылись, но сомнений становилось всё меньше. Это был он.

Она отложила телефон и несколько секунд смотрела перед собой. Потом снова взяла его в руки и проверила снимок. Возможно, совпадение. Возможно, память просто связала знакомые

черты с человеком, которого она видела когда-то давно. Но эта версия разваливалась слишком быстро. Она никогда не должна была видеть эту фотографию.

Мост был разрушен. Лаборатории больше не существовало. Всё, что произошло там, осталось в прошлом. А человек на фотографии появился здесь — рядом с Томасом Вейлом, в обычной обстановке, словно они были знакомы и встречались задолго до исчезновения Томаса. Элли почувствовала неприятный холод. Если фотография настоящая, то она не могла попасть сюда обычным путём. Она ещё раз посмотрела на дату на обороте. Дата была реальной. Бумага была настоящей. Фотография лежала в квартире Томаса.

И всё же человек на ней был связан с событиями, которых в этой реальности вообще не должно было быть. Элли выключила экран телефона. Теперь ей нужно было проверить не фотографию. Ей нужно было проверить собственную память.

Элли заставила себя остановиться. Самое опасное сейчас — начать строить выводы на основании одной фотографии и собственных воспоминаний. После всего, что произошло в лаборатории Кesslerа, она слишком хорошо знала, насколько легко необычное совпадение может показаться чем-то невозможным.

Она снова посмотрела на снимок. Возможно, место просто похоже. Та же архитектура, похожая улица, похожее здание. Незнакомый мужчина тоже мог оказаться человеком, которого она когда-то видела, а память со временем могла стереть детали и оставить только общее впечатление.

Была и другая возможность. Фотография могла существовать совершенно независимо от всего, что произошло с Элли. То, что она видела похожий снимок по ту сторону моста, ещё не означало, что между этими событиями есть связь.

Наконец, оставался самый неприятный вариант — её собственная память. После перехода она не раз пыталась восстановить подробности того, что видела в другой реальности. Она могла ошибиться. Могла перепутать лица, место или даже саму фотографию.

Элли достала телефон и ещё раз сфотографировала снимок, теперь вместе с датой на обороте. Затем увеличила цифры на экране и проверила их несколько раз. Дата была отчётливо видна.

Она откинулась на спинку стула. Несколько лет до того, как она впервые узнала о проекте Пенроуз. Элли снова посмотрела на фотографию. Значит, этот снимок существовал ещё до того, как она вообще узнала о Кesslerе, о лаборатории и о мосте. Именно это было самым неприятным.

Если её память ошибалась, всё можно было объяснить. Но если она помнила правильно, фотография появилась в её жизни задолго до того, как она впервые должна была её увидеть.

Элли ещё раз осмотрела квартиру, проверяя, не упустила ли что-нибудь важное. Но ничего нового не находила. Она убрала телефон в карман и поднялась из-за стола.

Марина проводила её до двери.

— Вы нашли что-нибудь?

Элли на секунду задержала взгляд на фотографии, которую держала в руке. Она могла рассказать о странном совпадении. Могла показать снимок и объяснить, почему он заставил её насторожиться. Но пока у неё не было ни одного факта, который позволял бы связать фотографию с исчезновением Томаса.

— Пока нет, — ответила она.

Марина кивнула, явно ожидая большего, но ничего не спросила.

Элли вышла из квартиры и начала спускаться по лестнице. В подъезде было тихо. Где-то этажом ниже хлопнула дверь, затем снова наступила тишина.

На улице она прошла несколько десятков метров и только тогда остановилась. Марина уже не могла её видеть. Элли достала телефон и открыла фотографию. Она увеличила изоб-

ражение. Сначала лицо Томаса. Потом мужчина рядом с ним. Затем Элли перевела взгляд на фон. Здание.

Она приблизила фотографию ещё сильнее. На фасаде виднелась небольшая вывеска. Элли смотрела на неё несколько секунд, пока не почувствовала знакомое напряжение. Она узнала её. Это было то самое здание. То самое, которое она видела по ту сторону моста.

В той реальности оно было уничтожено задолго до того, как Элли туда попала. От здания остались только обломки и часть каменного фасада. А здесь оно стояло за спиной Томаса Вейла на фотографии. Целое. Существующее. И снятое за несколько лет до того, как Элли вообще узнала о проекте Пенроуз. Элли долго смотрела на фотографию. На этот раз она была уверена: это не совпадение.

Глава 2. Совпадение

Элли вернулась домой уже поздно вечером. В квартире было тихо, и только свет от уличного фонаря пробивался сквозь неплотно закрытые шторы. Она сняла пальто, положила ключи на стол и достала из сумки фотографию Томаса.

Несколько секунд Элли просто смотрела на неё, затем положила снимок перед собой. Она снова вспомнила здание на заднем плане. Воспоминание пришло слишком ясно: другой город, другая реальность, разрушенное здание и та фотография, которую она когда-то видела там. Но чем дольше Элли об этом думала, тем сильнее старалась остановить себя.

Она уже проходила через нечто, что невозможно было объяснить обычными законами. После такого опыта память могла оказаться не таким надёжным свидетелем, как хотелось бы. Отдельные детали могли смешиваться, лица — накладываться друг на друга, а события — приобретать связь, которой на самом деле не было. Элли взяла фотографию и снова посмотрела на мужчину рядом с Томасом.

— Просто совпадение, — тихо сказала она.

Произнести это было легко. Убедить себя — гораздо труднее. Она перевернула фотографию, ещё раз посмотрела на дату и положила снимок обратно на стол. Пока у неё не было никаких доказательств, что фотография связана с тем, что произошло когда-то в лаборатории Кесслера. А значит, начинать нужно было с самого простого. Проверить факты. И только потом делать выводы.

Элли открыла компьютер и снова достала фотографию. На этот раз она решила не доверять памяти и начала с того, что можно было проверить. Она увеличила изображение, внимательно рассмотрела вывеску на здании, номер дома и соседние строения, затем ввела найденные данные в поисковую строку.

Первые результаты появились почти сразу. Здание действительно существовало. Более того, находилось оно именно в этом городе, а не где-то с похожим названием. Элли открыла несколько старых фотографий и архивных снимков, сравнивая их с фотографией Томаса. Окна на верхнем этаже, широкая арка у входа, соседний дом и даже небольшой выступ стены совпадали. Она несколько раз проверила адрес, потому что всё это казалось слишком точным для случайного сходства.

Затем она нашла сведения о дальнейшей судьбе здания. Несколько лет назад его признали аварийным, после чего закрыли, а позднее полностью снесли. На более поздних снимках на его месте уже был пустой участок, а затем появилось новое здание.

Элли откинулась на спинку кресла и некоторое время молча смотрела на экран. Получалось, что её память не обманула её хотя бы в одном: она действительно узнала именно то здание. Но это ещё ничего не объясняло. Она могла когда-то видеть его фотографию раньше, случайно запомнить, а потом связать её с воспоминанием о другой реальности. Элли снова посмотрела на снимок Томаса.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Здание настоящее. Теперь нужно понять остальное.

Она закрыла найденные страницы, но фотографию убирать не стала. Проверка подтвердила её воспоминание, однако вместе с этим оставила главный вопрос без ответа: почему она была уверена, что уже видела эту фотографию там, где её никогда не должно было быть?

Элли не остановилась на первом найденном снимке. Она открыла несколько архивных сайтов и начала просматривать фотографии здания, сделанные в разные годы. Снимки отличались качеством и ракурсом: на одних здание было снято почти целиком, на других в кадр попадал только фасад, а некоторые фотографии были сделаны с противоположной стороны улицы. Элли сохраняла те, на которых можно было рассмотреть детали, и постепенно собрала небольшую подборку.

Она увеличила первый снимок и сравнила окна верхнего этажа. Расстояние между ними, узкие простенки и небольшое окно сбоку совпадали с тем, что было видно на фотографии Томаса. На следующем снимке удалось рассмотреть лестницу у входа. Она была почти полностью закрыта тенью, но характерный изгиб перил и несколько ступеней хорошо совпадали. Элли переключилась на другую фотографию, где сохранилась старая вывеска над входом. Буквы уже почти не читались, однако её положение относительно окон было тем же.

Она продолжала сравнение, хотя уже понимала, к чему оно ведёт. На фотографии Томаса справа от здания виднелся узкий фасад соседнего дома. Элли нашла снимок, сделанный много лет назад с другого места, и увидела тот же дом. Даже расстояние между зданиями и угол, под которым один фасад переходил в другой, совпадали. Это уже было трудно списать на общее сходство.

Элли откинулась в кресле и ещё раз посмотрела на фотографию Томаса. Она узнала не просто здание. Она узнала место — до мелочей, которые невозможно было придумать после одного взгляда на старый снимок. И всё же Элли не спешила делать выводы. Совпадение могло быть странным, почти невероятным, но невероятное ещё не означало невозможное.

Она открыла ещё несколько фотографий, проверила даты и убедилась, что здание на снимке Томаса действительно выглядело именно так в тот период. Затем закрыла архив и на несколько секунд задержала руку над мышью.

— Просто совпадение, — повторила она уже увереннее.

Ей хотелось в это верить. Потому что если это было не совпадение, то придётся искать объяснение тому, откуда ей вообще знакомо это место. А такого объяснения у неё пока не было.

Элли снова открыла фотографию и увеличила изображение мужчины, стоявшего рядом с Томасом. Лицо было видно достаточно хорошо, хотя качество снимка оставляло желать лучшего. Она сохранила увеличенный фрагмент и начала искать информацию, используя сначала самые очевидные варианты: имя Томаса, место съёмки, дату фотографии и несколько комбинаций этих данных.

Первые результаты ничего не дали. Тогда Элли попробовала искать отдельно по названию организации, которая когда-то находилась в этом районе, и по архивным упоминаниям о здании. Через некоторое время ей попала старая заметка, где среди нескольких человек, связанных с техническими работами в этом районе, упоминался мужчина с таким же именем, как у человека на фотографии. Совпадение было недостаточным, чтобы утверждать, что речь шла именно о нём, но Элли записала имя.

Она продолжила поиск. Нашлась ещё одна короткая запись — уже в старом профессиональном справочнике. Там были указаны имя, специальность и прежнее место работы. Ничего необычного: инженер, несколько лет работал в технической компании, затем сведения о нём практически исчезали из открытых источников.

Элли посмотрела на фотографию ещё раз. Мужчина не выглядел человеком, вокруг которого должна была строиться какая-то тайна. Обычное лицо, обычная одежда, обычная фото-

графия, сделанная несколько лет назад. Даже найденная информация пока не давала ей ничего, кроме возможного имени.

Она закрыла страницу справочника и задумалась. Возможно, мужчина действительно просто знакомый Томаса. Возможно, они когда-то работали вместе или встретились возле этого здания. В конце концов, сама фотография ещё ничего не доказывала.

Элли записала найденное имя рядом с именем Томаса и поставила вопросительный знак. Пока у неё было только два факта: она узнала здание и, возможно, установила личность человека рядом с Томасом. Ни один из них сам по себе не объяснял исчезновение Томаса. И Элли решила пока не искать связь там, где её ещё не было.

Элли снова взяла фотографию и перевернула её. Дата, написанная на обороте, всё это время не давала ей покоя. Она ещё раз увеличила снимок, затем сверила указанный год с найденными в архиве материалами о здании. Дата совпадала — фотография действительно была сделана тогда, когда здание ещё существовало в прежнем виде.

Элли открыла календарь и мысленно сопоставила эту дату с событиями, которые привели её в лабораторию Кесслера. Между ними лежали годы. Снимок появился задолго до того, как она вообще узнала о проекте «Пенроуз», о квантовом мосте и о существовании другой реальности.

Она несколько секунд смотрела на дату, будто надеялась обнаружить ошибку. Затем снова проверила цифры на обороте и сравнила их с датой в архивной записи. Ошибки не было.

Элли откинулась в кресле. Одно из простых объяснений теперь отпадало. Если фотография действительно была сделана в указанную дату, значит, кто-то не мог положить её в квартиру Томаса уже после событий в лаборатории Кесслера. Она появилась задолго до них.

Но это не делало ситуацию понятнее.

Наоборот.

Элли положила фотографию перед собой и задумалась. Получалось, что снимок существовал ещё до того, как произошли события, с которыми она пыталась его связать. А значит, оставались другие объяснения — гораздо более обычные.

Возможно, она когда-то видела эту фотографию и просто не помнила этого. Возможно, её воспоминание о другой реальности смешалось с чем-то, что она знала раньше. Наконец, оставался самый простой вариант: странное совпадение, которое только теперь начало казаться ей значимым. Элли снова перевернула фотографию лицевой стороной вверх. Пока она не могла доказать ничего другого.

Элли откинулась на спинку кресла и попыталась посмотреть на ситуацию со стороны, без воспоминаний о лаборатории и без того странного опыта, который она получила после перехода. Если отбросить всё, что пока невозможно проверить, оставалось несколько вполне обычных объяснений.

Она могла перепутать фотографию с другой. За последние годы ей довелось увидеть множество снимков, лиц и мест, и память вполне могла соединить отдельные детали в одну картину. Возможно, изменились сами воспоминания. После того, что произошло с ней в лаборатории, Элли уже не могла с прежней уверенностью считать память безошибочной.

Оставался и человек на фотографии. Вполне возможно, он просто оказался похож на кого-то, кого она видела в другой реальности. Человеческая память легко узнаёт знакомые черты даже там, где на самом деле нет никакой связи. А здание она могла видеть раньше — на старой фотографии, в интернете, в каком-нибудь документе или даже случайно проходя мимо много лет назад. Просто не запомнила этого.

Наконец, оставалось самое неудобное объяснение: всё действительно могло быть совпадением. Редким, странным, почти невероятным, но всё-таки совпадением.

Элли ещё раз посмотрела на фотографию. Она не была готова назвать происходящее совпадением — по крайней мере, пока. Но и связывать всё с другой реальностью без доказательств было бы ничем не лучше.

Значит, нужно было сделать то, что она делала всегда, когда сталкивалась с чем-то необъяснимым: начать с самого простого предположения и проверить, выдержит ли оно проверку фактами. Допустим, это совпадение.

Элли мысленно произнесла эту фразу ещё раз и почувствовала, что звучит она неубедительно. Но другого пути пока не было.

Она положила фотографию рядом с компьютером и вернулась к делу Томаса Вейла. Если обычное объяснение окажется верным, оно обязательно проявится в деталях его последних дней.

Элли ещё раз посмотрела на фотографию, затем убрала её в сторону. Как бы ни выглядело всё происходящее, сама фотография не отвечала на главный вопрос. Томас Вейл исчез, и пока никто не знал, куда он делся. Если Элли хотела разобраться в этом деле, ей нужно было перестать искать связь между отдельными странностями и восстановить последние дни Томаса шаг за шагом.

Она открыла свои записи и составила простую последовательность событий. В понедельник утром Томас ушёл на работу. После этого его видели ещё несколько раз, но точная картина пока оставалась неполной. Элли начала проверять места, где он был в последние дни, просматривать доступные записи, звонки и сообщения, сопоставлять время и адреса. Её интересовало всё: с кем он встречался, куда ездил после работы, какие места посещал и что делал непосредственно перед исчезновением.

Особое внимание она уделила последнему дню. Томас не просто перестал выходить на связь — после определённого момента словно исчез из обычной жизни. Телефон больше не отвечал, банковских операций не было, машина осталась дома. При этом никаких признаков того, что он собирался уехать надолго, Элли пока не обнаружила.

Она снова открыла фотографию, но на этот раз лишь на секунду. Потом закрыла её и продолжила работу. Пока фотография оставалась загадкой, которую можно было отложить. Исчезновение Томаса — нет.

Элли начала заново просматривать его последние маршруты, постепенно выстраивая их один за другим. Странные совпадения могли подождать. Сначала нужно было понять самое главное: куда именно Томас Вейл направился в последний раз — и что произошло после этого?

Элли уже собиралась закрыть записи Томаса, когда заметила одну деталь. В его рабочем календаре за несколько дней до исчезновения сохранилась короткая запись о встрече. Никакого имени — только адрес и время. Элли сначала не придала этому значения, но адрес показался ей знакомым.

Она перепроверила его и почувствовала лёгкое напряжение. Это был тот же адрес, по которому когда-то находилось здание с фотографии.

Элли несколько секунд смотрела на экран, затем снова открыла снимок. Совпадение было слишком конкретным, чтобы просто отмахнуться от него, но и слишком слабым, чтобы считать его доказательством чего-либо. Томас вполне мог работать с людьми или организациями, связанными с этим зданием. Возможно, встреча вообще не имела к нему никакого отношения — старый адрес мог использоваться в документах и после того, как само здание перестало существовать.

Она открыла сведения о встрече и попыталась найти дополнительные данные, но ничего существенного не обнаружила. Только дата, время и адрес.

Элли записала адрес в блокнот и поставила рядом небольшой вопросительный знак. Пока это было всего лишь ещё одно совпадение. Странное, но вполне объяснимое. Она закрыла

фотографию и вернулась к записям о Томасе. Интуиция подсказывала ей, что адрес стоит проверить внимательнее, но делать выводы было ещё слишком рано.

Элли посмотрела на часы. Было уже поздно, а перед глазами начинали расплываться строки на экране. Она сохранила записи, закрыла несколько вкладок и выключила компьютер. На сегодня хватит. Утром она продолжит проверять последние дни Томаса и попробует разобраться с адресом, который неожиданно появился в его календаре.

Элли взяла фотографию и ещё раз посмотрела на неё. Всё можно было объяснить. Старое здание действительно существовало, мужчина рядом с Томасом мог оказаться просто знакомым, а совпадение адресов — случайностью. Даже её собственное воспоминание могло оказаться ошибочным.

Она перевернула фотографию и уже собиралась убрать её в папку, но почему-то снова остановилась. Что-то было не так.

Элли вернула снимок под свет настольной лампы и внимательно посмотрела на него. Несколько секунд она просто изучала изображение, пытаясь понять, что именно привлекло её внимание. Затем заметила небольшую деталь на заднем плане, которую раньше не рассматривала.

Элли нахмурилась. Она была уверена, что раньше этого там не замечала. Фотография осталась лежать на столе до самого утра.

Глава 3. Вторая фотография

Утром Элли вернулась к материалам Томаса Вейла. Накануне она закончила работу поздно, но даже после сна не смогла избавиться от ощущения, что фотография скрывает нечто большее, чем случайное совпадение. Впрочем, возвращаться к размышлениям о другой реальности она не собиралась. Пока у неё оставались конкретные факты, которые можно было проверить, и начинать следовало именно с них.

Элли открыла рабочий календарь Томаса и нашла запись о встрече, назначенной за несколько дней до его исчезновения. В ней были указаны только время и адрес — без имени, названия организации или пояснений. Она скопировала адрес в поисковую строку и начала просматривать результаты. Первые ссылки вели на старые справочники и архивные страницы. Судя по ним, в здании когда-то располагалось несколько небольших компаний, занимавшихся техническим обслуживанием и инженерными разработками. Однако сведения были неполными: одни организации переехали, другие прекратили существование, а о некоторых не осталось почти ничего, кроме упоминаний в старых документах.

Элли нашла несколько архивных записей, относящихся к периоду, когда здание ещё работало. Она проверила даты, адреса и названия компаний, пытаясь понять, какая из них могла быть связана с Томасом. Его профессия позволяла предположить, что встреча могла иметь рабочий характер, но ни один из найденных документов этого не подтверждал. Не исключено было и то, что Томас встречался там с кем-то лично, а адрес использовал просто как ориентир.

Она ещё раз сверила дату встречи с датой исчезновения. Между ними оставалось совсем немного времени. Если запись действительно имела отношение к тому, что произошло с Томасом, это могло оказаться последней зацепкой, которую он оставил после себя. Но пока Элли не знала даже того, состоялась ли встреча.

Она откинулась на спинку кресла и посмотрела на фотографию, лежавшую рядом с компьютером. На снимке было то же здание, тот же адрес, и всё же она пока не могла связать фотографию с календарной записью. Возможно, Томас просто бывал там по работе. Возможно, именно поэтому снимок оказался среди его вещей. Эти объяснения выглядели вполне разум-

ными, но не отвечали на вопрос, почему сама фотография вызывала у неё такое тревожное чувство.

Элли решила пока не ехать по адресу. Сначала следовало ещё раз внимательно изучить снимок и проверить, нет ли на нём деталей, которые она пропустила. Она открыла файл с фотографией, увеличила изображение и медленно повела курсором по заднему плану. На этот раз она старалась смотреть не на само здание, а на всё, что находилось вокруг него. Возможно, ответ скрывался не там, где она искала его до сих пор.

Элли увеличила фотографию и начала внимательно изучать участок за спиной Томаса. Раньше всё её внимание было сосредоточено на здании: она сравнивала окна, входную арку и соседние фасады, пытаясь убедиться, что узнала именно то место. Теперь она рассматривала снимок целиком, переходя от одной детали к другой. На первый взгляд ничего необычного не было. Томас стоял рядом с незнакомым мужчиной, позади них проходили люди, а на противоположной стороне улицы виднелись витрины. Обычная городская фотография, каких можно найти тысячи.

Она увеличила изображение ещё сильнее и остановилась на стеклянной двери одного из помещений. Поверхность отражала улицу, поэтому разобрать, что находится за стеклом, было непросто. Элли собиралась перейти к следующему участку, когда заметила тёмный силуэт. Он находился немного в стороне от Томаса, почти сливаясь с отражением фасадов. Сначала Элли решила, что это один из прохожих, попавший в кадр, но при увеличении поняла, что фигура расположена слишком близко к стеклу. Возможно, человек стоял внутри помещения и смотрел на улицу.

Качество снимка не позволяло рассмотреть лицо. Видны были лишь очертания головы, плеч и верхней части одежды. Элли попробовала изменить яркость и контраст, но изображение почти не проявилось. Она вернулась к исходному файлу, чтобы убедиться, что не приняла за человека тень или случайное отражение. Силуэт оставался на том же месте. Он действительно был на фотографии, хотя раньше Элли его не замечала.

Она придвинулась к экрану. В фигуре было что-то знакомое — не какая-то конкретная черта лица, которую можно было бы уверенно узнать, а скорее общее впечатление. Элли несколько секунд пыталась понять, откуда оно возникло, но память не подсказывала ничего определённого. Чем настойчивее она старалась вспомнить, тем сильнее ощущала, что упускает какую-то мелочь.

Элли откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Возможно, она уже видела похожий силуэт на другой фотографии. За годы работы ей приходилось просматривать сотни снимков, и неудивительно, если отдельные образы иногда казались знакомыми. Не стоило придавать этому слишком большое значение. Она открыла глаза и снова посмотрела на экран.

Теперь её интересовало другое: почему этот человек стоял именно там и можно ли было установить, кто он такой? Элли сохранила увеличенный фрагмент в отдельный файл, указала дату и сделала пометку: «Неизвестный человек в отражении». Лицо оставалось неразличимым, а сама находка пока ничего не доказывала. И всё же Элли уже не хотелось закрывать фотографию. Она чувствовала, что заметила деталь, которую следовало проверить, прежде чем возвращаться к остальным материалам Томаса.

Элли открыла исходную фотографию в графическом редакторе и сохранила несколько копий, чтобы работать с ними отдельно. Сначала она увеличила участок со стеклянной дверью, затем попробовала изменить яркость и контраст. На одном варианте отражение почти исчезало, на другом становилось заметнее, но вместе с ним проступали шумы и мелкие дефекты старого снимка. Элли понимала, что обработка не способна восстановить информацию, которой изначально не было на фотографии. Она могла лишь сделать уже существующие детали более различимыми, поэтому относилась к результатам осторожно и каждый раз сверялась с оригиналом.

Она поочерёдно меняла настройки, сравнивала изображения и возвращалась к тем участкам, где силуэт был виден лучше всего. Лицо по-прежнему оставалось неразличимым. Нельзя было уверенно определить ни возраст человека, ни черты внешности, ни даже точный цвет его одежды. Однако общие очертания фигуры постепенно становились понятнее. Человек стоял за стеклом, чуть в стороне от входа, и его голова была повёрнута в сторону улицы.

Элли увеличила изображение ещё раз. Теперь стало заметно, что остальные люди на снимке почти не обращали внимания на происходящее вокруг. Один прохожий смотрел под ноги, другой был повёрнут к соседнему зданию, а мужчина возле Томаса, казалось, разговаривал с ним или с кем-то за пределами кадра. Незвестный же стоял неподвижно. Его лицо было направлено примерно в сторону камеры.

Элли нахмурилась и переключилась на исходный снимок. Затем снова открыла обработанную копию, проверяя, не возникло ли это впечатление из-за изменения контраста. Она попробовала немного уменьшить увеличение, чтобы увидеть положение фигуры относительно двери и окружающих предметов. Результат оставался тем же: человек словно смотрел прямо на того, кто делал фотографию.

Конечно, это ещё ничего не доказывало. Человек мог просто смотреть на улицу, а фотограф случайно оказался в направлении его взгляда. Более того, из-за отражения было невозможно точно определить, куда именно были направлены его глаза. Элли понимала все эти ограничения и не собиралась превращать неясную деталь в доказательство только потому, что она казалась ей странной.

И всё же её беспокоило не само положение фигуры, а возникшее ощущение, будто неизвестный не просто попал в кадр случайно. Он словно знал, что его фотографируют. Элли задержала взгляд на тёмном силуэте, пытаясь понять, почему эта мысль показалась ей настолько убедительной. Ответа не было. Она сохранила обработанные копии, но исходный файл оставила нетронутым.

Перед ней по-прежнему была старая фотография с неразличимым отражением. Никакого имени, никаких доказательств, даже уверенности в том, что человек действительно смотрел на камеру. Но теперь Элли хотела выяснить, кто находился за стеклом в тот день. И прежде чем искать его в архивах, ей предстояло понять, почему этот силуэт казался ей знакомым.

Элли снова открыла увеличенный фрагмент фотографии. Она уже собиралась закрыть редактор, когда взгляд зацепился за плечо неизвестного. На тёмной одежде виднелась светлая полоска — возможно, край воротника или узкая вставка на куртке. Деталь была слишком мелкой, чтобы уверенно судить о её форме, но именно она вызвала у Элли неожиданное чувство узнавания. Ей показалось, что она уже видела такую одежду. Не просто похожую, а почти такую же — на человеке, которого встречала по ту сторону квантового моста.

Элли убрала руки с клавиатуры и несколько секунд смотрела на экран. Воспоминание возникло внезапно, но оставалось расплывчатым. Она помнила другое освещение, незнакомые улицы и людей, чьи лица теперь порой всплывали в памяти без всякой связи с текущими событиями. Тот человек находился рядом с ней лишь короткое время, и тогда Элли не придавала значения его одежде. Теперь же какая-то незначительная деталь на старой фотографии словно потянула за собой забытое воспоминание.

Она попыталась восстановить встречу по порядку. Где именно они тогда находились? Кто ещё был рядом? Что этот человек делал? Элли помнила его фигуру и манеру держаться, но не могла с уверенностью вспомнить ни цвет одежды, ни точный рисунок на воротнике. Чем настойчивее она старалась, тем больше сомневалась в собственной памяти. Возможно, сходство возникло лишь потому, что она сама искала связь между фотографией и пережитым опытом.

Но было и другое обстоятельство, которое не давало ей покоя. Это был не тот мужчина, чьё лицо она пыталась узнать раньше, — человек, стоявший рядом с Томасом. Перед ней нахо-

дилась совершенно другая фигура, едва различимая в отражении. Если Элли действительно узнала знакомую деталь, значит, на одной фотографии могли оказаться два человека, каждый из которых по своей причине привлекал её внимание. Случайность становилась всё более странной, хотя доказательств по-прежнему не было.

Элли увеличила фрагмент ещё раз, но изображение только распалось на крупные пиксели. Светлая полоска могла оказаться чем угодно. Она закрыла обработанную копию и посмотрела на оригинал, стараясь отделить то, что действительно видела, от того, что подсказывала память. На фотографии был неизвестный человек. Всё остальное пока оставалось предположением.

Она отодвинулась от компьютера и потёрла переносицу. После событий в лаборатории Кесслера Элли знала, что привычные представления о реальности могут оказаться недостаточными. Но именно поэтому ей следовало быть особенно осторожной: пережитое не давало права объяснять им каждую странность. И всё же она не могла отделаться от вопроса: почему знакомое ощущение возникло именно сейчас, на фотографии Томаса Вейла, возле того самого здания, которое она помнила разрушенным в другой реальности?

Элли записала в блокнот: «Проверить одежду человека в отражении. Сравнить с воспоминанием». Затем подчеркнула последнюю фразу, хотя понимала, насколько ненадёжным источником могла оказаться её память. Она ещё не знала, кто этот человек и имеет ли он какое-либо отношение к исчезновению Томаса. Но теперь у неё появилась причина продолжить поиски — не ради подтверждения собственных подозрений, а ради ответа, который можно было бы проверить.

Элли решила проверить, не возникла ли странная деталь в результате обработки изображения. Она закрыла все изменённые копии и снова открыла исходный файл, который сохранила с фотографии Томаса. Увеличила нужный участок, вернулась к первоначальному масштабу, затем сравнила его с обработанными версиями. Различия были заметны: на оригинале силуэт почти терялся в отражении, а светлая полоска на одежде едва различалась. Но сам человек присутствовал и на исходном снимке. Программа не создала его из случайных пикселей — по крайней мере, никаких признаков этого Элли обнаружить не смогла.

Однако оставался вопрос, откуда взялась сама фотография и не изменял ли её кто-нибудь до того, как она попала к ней в руки. Элли посмотрела на время и решила позвонить Марине Вейл. Та ответила не сразу, и по её голосу было слышно, что она по-прежнему ждёт хоть каких-то новостей о муже.

— Марина, мне нужно уточнить ещё несколько вещей насчёт фотографии, которую я нашла у вас в квартире. Вы знаете, когда Томас её сделал и где она хранилась?

— Точно не знаю, — ответила Марина. — Я видела её раньше среди его вещей, но мы никогда особо не обсуждали старые снимки. Кажется, она лежала в ящике письменного стола вместе с другими бумагами. Почему вы спрашиваете?

Элли помедлила, подбирая слова. Она не собиралась рассказывать о своих подозрениях, пока не могла объяснить их даже самой себе.

— На фотографии есть человек, которого трудно рассмотреть. Я пытаюсь выяснить, кто это и мог ли он быть знаком Томасу.

— Человек? — переспросила Марина. — Я даже не замечала его. А Томас ничего такого не рассказывал. Если он кого-то фотографировал, то обычно говорил, где был и с кем встречался. Но этот снимок я помню только потому, что он лежал отдельно от остальных.

Элли уточнила, не давал ли Томас кому-нибудь фотографию на обработку, не сканировал ли её для работы и не просил ли Марину переслать снимок знакомым. Та уверенно ответила, что ничего подобного не помнит. По её словам, фотография всегда принадлежала Томасу, а после его исчезновения осталась среди вещей в кабинете. Кто ещё мог держать её в руках, Марина не знала.

— Вы думаете, этот человек как-то связан с исчезновением Томаса? — спросила она после короткой паузы.

— Пока я ничего не могу утверждать, — ответила Элли. — Я просто проверяю все детали, которые могут оказаться важными.

Закончив разговор, Элли положила телефон на стол и снова посмотрела на фотографию. Ответы Марины не дали ей новой зацепки. Она не знала человека в отражении, не помнила, чтобы Томас упоминал о нём, и не могла объяснить, почему снимок хранился отдельно. Всё выглядело вполне обычно: старая фотография среди личных вещей пропавшего человека. И всё же теперь Элли была уверена в одном — странная фигура присутствовала уже в оригинале, а значит, её нельзя было списать на собственную обработку изображения.

Она сохранила исходный файл в отдельную папку и записала рядом с ним слова Марины. Пока этого было недостаточно, чтобы установить личность неизвестного или связать его с исчезновением Томаса. Но одна версия отпала: человек в отражении не появился на экране из-за того, что Элли слишком долго всматривалась в фотографию. Он был там с самого начала. И теперь предстояло выяснить, кто именно попал в кадр и почему Томас никогда о нём не рассказывал.

Элли вернулась к архивным материалам, которые нашла утром. Если человек в отражении действительно находился возле здания в день съёмки, возможно, он попал и на другие фотографии. Старые снимки улиц нередко сохранялись в городских архивах, газетах и частных коллекциях. Иногда на них можно было разглядеть случайных прохожих, а иногда — восстановить обстановку вокруг здания с точностью, недоступной обычным документам. Элли решила поискать фотографии, сделанные примерно в тот же период, и посмотреть, не удастся ли найти среди них что-нибудь полезное.

Поиск занял больше времени, чем она рассчитывала. Большинство снимков показывали здание целиком или были сделаны с противоположной стороны улицы. Некоторые оказались слишком поздними: к тому времени фасад уже изменился, а часть помещений была закрыта. Элли отбирала только те изображения, на которых можно было различить вход, витрины и участок улицы, попавший в кадр на фотографии Томаса. Наконец ей попался снимок, сделанный с другого ракурса, судя по всему, за несколько месяцев до него. Здание выглядело почти так же, а на переднем плане стояли припаркованные автомобили. В глубине улицы двигались несколько человек.

Элли увеличила изображение и стала рассматривать прохожих. Отражения в стеклянной двери на этом снимке не было видно: фотограф находился с другой стороны, и фасад попадал в кадр под углом. Зато один из людей в глубине улицы привлёк её внимание. На нём была тёмная куртка со светлой полоской у плеча — похожая на ту, которую Элли разглядела на первой фотографии. Человек шёл вдоль зданий, слегка повернув голову в сторону дороги. Лицо скрывалось в тени, а разрешение снимка не позволяло рассмотреть черты достаточно ясно.

Она положила рядом два изображения и начала сравнивать. Сходство в одежде было заметным, но не уникальным. Тёмные куртки со светлыми вставками носили многие, особенно в холодное время года. Различались и положение фигур, и направление движения. На одной фотографии человек стоял за стеклом, на другой — шёл по улице. Нельзя было исключить, что это два совершенно разных человека, случайно одетых похожим образом.

Элли проверила дату архивного снимка. Она соответствовала периоду, когда здание ещё действовало и возле него могли находиться сотрудники расположенных там организаций. Если неизвестный был связан с одной из них, его присутствие не вызывало бы удивления. Но если это действительно был тот же человек, что попал на фотографию Томаса, следовало понять, почему он оказался в одном и том же месте на снимках, сделанных с разницей во времени.

Она сохранила архивную фотографию и записала дату в блокнот. Теперь у неё было два изображения, на которых, возможно, присутствовал один и тот же человек. Это ещё не позво-

ляло установить его личность, но давало возможность проверить, мог ли он вообще находиться возле здания в нужный период. Элли решила начать с организаций, которые когда-то работали по этому адресу, и поискать среди их сотрудников или посетителей человека, подходящего под описание.

Перед тем как продолжить, она ещё раз посмотрела на оба снимка. На первом неизвестный словно смотрел в сторону камеры. На втором его лицо было обращено в сторону дороги, и определить направление взгляда было невозможно. Возможно, Элли просто пыталась найти связь между двумя случайными изображениями. Но если сходство подтвердится, у неё появится новая зацепка — и тогда фотографию Томаса придётся рассматривать уже не только как странную вещь из квартиры пропавшего человека, но и как часть более длинной истории.

Элли открыла обе фотографии и разместила их рядом на экране. Архивный снимок она немного уменьшила, чтобы видеть здание целиком, а фотографию Томаса оставила в увеличенном масштабе. Теперь её интересовал не столько человек в отражении, сколько само отражение. До сих пор она пыталась установить, кто попал в кадр, но, возможно, стоило внимательнее рассмотреть место, в котором он находился.

Она начала с окон и дверей. На архивной фотографии фасад был виден почти прямо, поэтому расположение проёмов можно было определить достаточно точно. Элли сравнила их с теми, что находились на снимке Томаса, затем вернулась к отражению в стеклянной двери. За силуэтом просматривалась часть помещения: участок стены, вертикальная конструкция, похожая на дверной косяк, и тёмный прямоугольник в глубине. Сначала всё выглядело как обычное отражение интерьера, но при увеличении возникло несоответствие.

Элли открыла старые фотографии здания, на которых были видны его окна и входы, а затем нашла план первого этажа в одном из архивных документов. Планировка была простой: за стеклянной дверью находился небольшой тамбур, дальше начинался коридор, ведущий к лестнице. Никакого дополнительного помещения в той части здания не было. Между тем на фотографии Томаса за отражением просматривалось пространство, которое словно продолжалось в сторону, где по плану должна была находиться глухая стена.

Она проверила масштаб изображения, ещё раз сопоставила положение двери и окон, затем изменила угол просмотра. Несколько раз Элли возвращалась к одному и тому же участку, надеясь обнаружить очевидную причину несоответствия. Возможно, стекло отражало не только фасад, но и часть улицы за спиной фотографа. Возможно, сочетание отражения и прозрачности создавало иллюзию дополнительного прохода. Старые объективы, искажения перспективы и недостаточное качество снимка тоже могли сыграть свою роль. Ни одно из этих объяснений нельзя было исключить, но ни одно пока не давало ей полной уверенности.

Элли откинулась на спинку кресла и невольно вспомнила другую реальность. Там она уже видела это здание, хотя оно выглядело иначе. Внутри, за знакомым фасадом, находилось пространство, которого не было на привычных планах. Тогда она не могла объяснить увиденное и списывала отдельные детали на обстоятельства перехода. Теперь перед ней лежала фотография, сделанная задолго до того, как она узнала о проекте Кесслера, и на ней словно проступал фрагмент того же несоответствия.

Элли резко отвела взгляд от экрана. Она не хотела подгонять изображение под воспоминания. Если ей казалось, что за стеклом находится то самое пространство, это ещё не означало, что она действительно его видела. Память могла исказиться, а фотография — обманывать глаз. Но она слишком хорошо помнила собственное удивление, когда впервые оказалась в той части здания в другой реальности. Тогда она тоже не сразу поняла, что именно не так.

Она снова посмотрела на снимок Томаса. Человек в отражении по-прежнему оставался неразличимым, однако теперь Элли сомневалась, что он был главной загадкой этой фотографии. Гораздо важнее было то, что находилось за ним.

Элли сохранила план здания и оба изображения в одной папке, а рядом с ними записала вопрос: «Что именно отражается в стекле?» Ответа у неё не было. Она могла продолжить искать оптическое объяснение, и это было бы разумно. Но если отражение действительно показывало часть помещения, которой не существовало в известной ей планировке, то проблема заключалась уже не в том, кто стоял за Томасом. Проблема заключалась в самом здании.

Элли вернулась к рабочему календарю Томаса. После изучения фотографий ей хотелось ещё раз проверить запись о встрече, которую она обнаружила накануне. Она открыла сохранённую копию календаря и увеличила строку с адресом. Раньше она обратила внимание только на само место и время, но теперь заметила, что сразу после адреса стояло короткое обозначение: «С-17». Буква и цифры были отделены от остального текста пробелом, словно обозначали отдельное помещение или участок здания.

Элли открыла несколько старых справочников и документов, в которых упоминались организации, работавшие по этому адресу. Ни в одном из них обозначения «С-17» не было. Она проверила, не являлось ли оно номером офиса, складского помещения или технического сектора. В открытых источниках ничего подходящего не нашлось. Само по себе обозначение не выглядело необычным: компании часто использовали внутренние номера, которые никогда не попадали в официальные документы. Но тогда оставался вопрос, почему Томас записал его в календарь, не указав ни имени человека, с которым собирался встретиться, ни цели встречи.

Элли попыталась найти другие упоминания этого обозначения вместе с адресом. Поиск выдавал несколько случайных совпадений, не имевших отношения к старому зданию. Она меняла запросы, убирала адрес, оставляла только букву и цифры, но результат не менялся. Если «С-17» действительно относилось к помещению внутри здания, то найти его описание в интернете было маловероятно. Возможно, сведения сохранились в технической документации или в архивах одной из организаций, которые когда-то там работали.

Она снова открыла план первого этажа, найденный ранее. Никаких обозначений, похожих на «С-17», на нём не было. Помещения нумеровались обычным образом, а отдельные участки здания обозначались буквами и цифрами только в документах, связанных с инженерными коммуникациями. Элли задержала взгляд на плане. Теоретически запись Томаса могла относиться именно к такому участку, но подтвердить это было нечем.

Она вспомнила, как долго рассматривала отражение на фотографии. За стеклом просматривалось пространство, которое не совпадало с известной планировкой здания. Теперь рядом с адресом обнаружилось обозначение, которого не было ни на одном из доступных планов. Эти два обстоятельства могли не иметь никакой связи. Элли понимала это и не собиралась делать выводы на основании одного короткого кода. И всё же ей становилось всё труднее считать адрес случайной записью в календаре.

Она внесла «С-17» в блокнот и обвела обозначение. Рядом записала дату встречи и вопрос: «Что именно Томас собирался проверить?» Возможно, он искал техническое помещение, встречался с бывшим сотрудником одной из компаний или занимался работой, о которой не рассказывал жене. Все эти варианты оставались возможными. Пока Элли не нашла ничего, что позволяло бы связать обозначение с проектом «Пенроуз» или с событиями в лаборатории Кесслера.

Но теперь у неё появилась конкретная зацепка. Не воспоминание, не сходство на старой фотографии и не странное отражение, которое можно было объяснить оптическим эффектом, а запись, сделанная самим Томасом незадолго до исчезновения. Элли сохранила календарь и закрыла файл. Прежде чем искать новые объяснения, ей нужно было выяснить, что означало «С-17» и существовало ли это обозначение за пределами личных записей Томаса Вейла.

Элли сохранила исходную фотографию, увеличенные фрагменты и найденные архивные материалы в отдельную папку. Рядом добавила копию рабочего календаря Томаса с пометкой «С-17». Теперь у неё было несколько зацепок, но ни одна не давала прямого ответа. Неизвест-

ный человек в отражении мог оказаться случайным прохожим, светлая полоска на его одежде — обычной деталью, а странное пространство за стеклом — результатом искажения перспективы. Даже обозначение в календаре могло быть внутренним кодом, не имевшим отношения к исчезновению Томаса. Элли старалась учитывать каждое из этих объяснений, но вместе они уже не складывались в простую картину.

Она посмотрела на часы и решила закончить на сегодня. Завтра можно было продолжить поиск сведений о прежних организациях, попытаться выяснить происхождение обозначения «С-17» и, если удастся, ещё раз поговорить с Мариной. Возможно, среди документов Томаса найдётся что-то, что объяснит его интерес к старому зданию. Элли закрыла несколько окон, но фотографию оставила на экране. Ей хотелось ещё раз взглянуть на неё перед тем, как выключить компьютер.

Она вернулась к исходному снимку и увеличила участок со стеклянной дверью. Силуэт по-прежнему был едва различим, а отражение скрывало большую часть фигуры. Элли уже собиралась закрыть файл, когда заметила в руке неизвестного небольшой предмет. Сначала он показался ей обычным тёмным пятном, но при увеличении стал различим его контур: прямоугольный корпус и короткий выступ сбоку. Из-за качества снимка определить, что это такое, было невозможно.

Элли сравнила этот участок с остальными частями фотографии. На улице находились несколько человек, но ни у кого из них в руках не было ничего похожего. Она проверила архивный снимок, однако тот был сделан с другого ракурса, и нужный участок на нём не просматривался. Значит, установить, что держал неизвестный, пока не получалось.

Она сохранила новый фрагмент и внимательно посмотрела на него ещё раз. Предмет мог оказаться телефоном, небольшим прибором или чем-то совершенно обычным. Но его форма почему-то напомнила Элли устройство, которое она видела в другой реальности. Воспоминание было слишком смутным, чтобы доверять ему, и она не стала записывать догадку в блокнот.

Элли выключила монитор, однако ещё долго сидела в тишине, обдумывая найденные детали. Она по-прежнему не могла доказать, что фотография имела отношение к другой реальности. Но теперь дело Томаса Вейла состояло не только из его исчезновения и странного снимка. За ним проступала цепочка вопросов: неизвестный человек, помещение, которого не было на плане, и обозначение «С-17» в календаре. Каждый из этих фактов мог иметь обычное объяснение. Вместе они требовали проверки.

На этот раз Элли не стала убеждать себя, что всё происходящее — совпадение. Она просто признала, что пока не знает ответа. А значит, завтра ей предстояло выяснить, что связывало Томаса Вейла с заброшенным зданием и почему он назначил там встречу незадолго до своего исчезновения.

Глава 4. Память

Утром Элли снова открыла папку с материалами Томаса Вейла. После вчерашнего изучения фотографий и архивных планов у неё появилось несколько вопросов, на которые нельзя было ответить одним лишь поиском в интернете. Обозначение «С-17» по-прежнему оставалось загадкой, а сведения о здании обрывались задолго до его сноса. Если Томас собирался встретиться там с кем-то незадолго до исчезновения, стоило выяснить, кто работал в этом месте и какие помещения использовались внутри.

Элли вернулась к старым справочникам и начала искать организации, которые когда-то занимали здание. Большинство упоминаний касалось небольших инженерных фирм и компаний, обслуживавших промышленное оборудование. Одна из записей привлекла её внимание. Несколько десятилетий назад по этому адресу располагалась организация под названием «Техносфера», занимавшаяся диагностикой и испытанием электронных систем. В справочнике

указывались телефон и фамилия руководителя, но при проверке выяснилось, что организация давно прекратила существование. Телефон больше не обслуживался, а её прежний адрес регистрации теперь относился к другому предприятию.

Элли поискала название в старых газетных публикациях и электронных каталогах. Информации оказалось немного. «Техносфера» не была крупной компанией и, судя по всему, работала преимущественно с корпоративными заказчиками. В одной из архивных заметок упоминалось, что её технический отдел участвовал в испытаниях оборудования для нескольких исследовательских учреждений. Какие именно системы испытывались и кто выступал заказчиком, в заметке не говорилось. Элли сохранила страницу, но не стала придавать ей особого значения. Подобная работа вполне соответствовала профилю организации.

В приложении к старому справочнику сохранился список сотрудников технического отдела. Большинство фамилий ничего ей не говорили, а найти их нынешние контакты не удалось. Однако возле одной фамилии стояла отметка о том, что сотрудник отвечал за обслуживание измерительных систем и проверку оборудования непосредственно на объекте. Его звали Виктор Сергеевич Лавров. В отличие от остальных, он не значился среди руководителей или владельцев компании — обычный инженер, проработавший там несколько лет.

Элли попробовала найти его по имени и прежнему месту работы. Первые результаты оказались бесполезными: однофамильцы, устаревшие записи и несколько ссылок на профессиональные каталоги. Она изменила запрос, добавив название организации и специальность, и наконец обнаружила упоминание Виктора Лаврова в электронном архиве отраслевого объединения. Несколько лет назад он участвовал в открытой встрече бывших работников инженерных предприятий, где рассказывал о техническом обслуживании оборудования в девяностые годы. В записи была указана организация, с которой можно было связаться по общему адресу.

Элли написала короткое письмо, представилась частным детективом и объяснила, что расследует исчезновение человека, чьи рабочие записи привели её к старому зданию. Она не упоминала ни фотографию, ни странности с планировкой, ни обозначение «С-17». Пока ей требовалось лишь узнать, может ли Лавров рассказать что-нибудь о работе «Техносферы» и помещениях, которыми пользовались её сотрудники.

Ответ пришёл ближе к полудню. Секретарь сообщила, что Виктор Сергеевич уже давно не работает и редко пользуется электронной почтой, но передала его контактный номер. Элли несколько секунд смотрела на сообщение, затем переписала номер в блокнот. Это ещё не означало, что Лавров помнит нужное ей здание или вообще согласится разговаривать. С тех пор прошло много лет, и для него та работа могла давно превратиться в череду забытых подробностей.

Она набрала номер. После нескольких гудков ответил мужской голос — негромкий, немного хриплый, но уверенный.

— Виктор Сергеевич Лавров? Меня зовут Элли. Я хотела бы задать вам несколько вопросов о «Техносфере» и здании, где она когда-то работала. Это связано с одним расследованием.

На другом конце провода наступила короткая пауза.

— О «Техносфере»? — переспросил мужчина. — Давно меня об этом не спрашивали. А что именно вас интересует?

Элли посмотрела на фотографию Томаса, лежавшую рядом с блокнотом.

— Прежде всего, само здание. Его планировка и помещения, которыми пользовались сотрудники. Думаю, вы могли бы помочь мне разобраться в нескольких деталях.

Лавров не ответил сразу. Затем спросил, где именно она нашла его фамилию, и уточнил адрес здания. Услышав его, он произнёс:

— Да, помню это место. Только не уверен, что ваши документы вам помогут. Там не всё было так, как указано на старых планах.

Элли выпрямилась в кресле.

— Вы имеете в виду, что планы были неточными?

— Я имею в виду, что в них кое-чего не было, — ответил Лавров.

Он не стал объяснять дальше, сказав лишь, что по телефону рассказывать неудобно. Если Элли действительно хочет разобраться, они могут встретиться и поговорить лично.

Договорившись о времени, она завершила звонок и некоторое время сидела неподвижно. Возможно, Лавров просто имел в виду поздние перепланировки или технические помещения, не отражённые в общедоступных документах. Такое объяснение было вполне обычным. Но его слова совпадали с тем, что Элли уже обнаружила на фотографии и в архивных материалах.

Она записала время встречи рядом с фамилией Лаврова. Теперь у неё появился человек, который мог знать здание не по старым документам, а по собственному опыту. И Элли собиралась выяснить, насколько его воспоминания совпадали с официальной историей.

Виктор Сергеевич Лавров назначил встречу на следующий день в небольшом кафе неподалёку от своего дома. Элли пришла немного раньше, выбрала столик у окна и ещё раз просмотрела записи, сделанные после разговора по телефону. Она не собиралась сразу показывать ему все материалы. Сначала следовало понять, что он помнит сам, без подсказок, и только потом сопоставить его рассказ с тем, что ей уже было известно.

Лавров появился точно в назначенное время. Это был пожилой мужчина среднего роста, с редкими седыми волосами и внимательным взглядом. Он двигался неторопливо, но держался прямо, а на вопросы отвечал без обычной для случайного знакомства осторожности. Поздоровавшись, он снял пальто, повесил его на спинку стула и заказал чай. Элли представилась ещё раз, коротко объяснила, что расследует исчезновение Томаса Вейла, и уточнила, что пока не располагает основаниями считать бывшую «Техносферу» непосредственно причастной к его исчезновению.

— Значит, вам нужно понять, что там происходило раньше, — сказал Лавров. — Только учтите: я ушёл оттуда давно. Всего могу и не вспомнить.

— Мне не нужны точные даты каждого события. Важнее понять, как было устроено здание и кто им пользовался.

Элли достала фотографию Томаса и положила её на стол. Лавров сначала посмотрел на людей в кадре, затем перевёл взгляд на фасад. Он придвинул снимок к себе, поправил очки и некоторое время молча изучал изображение.

— Да, это оно, — наконец произнёс он. — Вход со стороны улицы. Окна на втором этаже потом заменили, а вот эта часть фасада оставалась прежней до самого конца.

— Вы работали здесь?

— Несколько лет. В техническом отделе «Техносферы». Мы занимались диагностикой и испытаниями электронных систем. Иногда проверяли оборудование заказчиков, иногда принимали его у себя. Ничего особенно необычного по тем временам.

— Какие ещё организации находились в здании?

Лавров перечислил несколько небольших фирм, названия которых Элли уже встречала в старых справочниках. Одни занимали отдельные кабинеты, другие арендовали помещения на короткий срок. На первом этаже располагалась контора, занимавшаяся снабжением предприятий, выше работали инженеры и специалисты по документации. Состав арендаторов менялся, и, по словам Лаврова, далеко не все организации были связаны между собой.

— Поэтому по одному адресу нельзя сказать, кто за что отвечал, — добавил он. — Внешне всё выглядело как обычное административное здание. Но внутри было много помещений, куда посторонним ходить не полагалось.

— Например, технических?

— Разумеется. Где-то стояли измерительные приборы, где-то хранили запасные блоки и кабели. Для испытаний требовались отдельные комнаты: не всякое оборудование можно было проверять прямо в рабочем кабинете. Иногда приходилось отключать часть сети, иногда —

следить, чтобы рядом не работали другие устройства. Сейчас это может звучать странно, но тогда мы старались обходиться тем, что было.

Элли слушала, не перебивая. Пока всё укладывалось в обычную картину работы небольшого инженерного предприятия. Лавров вспоминал фамилии коллег, рассказывал о неисправных приборах, которые приходилось чинить по несколько раз, и о том, как сотрудники вели журналы испытаний. Некоторые детали казались ему забавными, другие он вспоминал с заметным раздражением. По его словам, документацию часто оформляли задним числом, а планы помещений не всегда успевали обновлять после перестановок оборудования.

— То есть старые планы могли не соответствовать тому, что было на самом деле? — уточнила Элли.

— Могли. Особенно если речь шла о внутренних изменениях. Перенесли перегородку, установили шкафы, отделили участок под оборудование — и не всегда кто-то бежал вносить это в чертёж. Но это не значит, что у нас всё было устроено на глазок. Для работы с приборами документация всё-таки требовалась.

— А технические помещения могли использовать сотрудники других организаций?

Лавров задумался.

— Некоторые — да. Если оборудование было общим или если одна фирма выполняла заказ для другой. Но доступ обычно согласовывали заранее. У каждой организации были свои ответственные, и просто так никто не должен был заходить в чужую лабораторию.

— Вы помните, кто отвечал за такие помещения?

Он назвал двух бывших коллег и пояснил, что один занимался измерительной аппаратурой, а второй следил за электроснабжением и состоянием сетей. Элли записала фамилии. Они могли пригодиться, хотя пока ни одна из них не связывала здание с Томасом.

Затем она вернулась к фотографии.

— Посмотрите, пожалуйста, ещё раз. Вы узнаете вход и фасад. А можете вспомнить, что находилось непосредственно за этой стеклянной дверью?

Лавров наклонился над снимком. До этого он смотрел преимущественно на внешний вид здания, но теперь его внимание сосредоточилось на отражении в стекле и на узком участке за дверью. Он провёл пальцем по краю фотографии, словно пытаясь определить границы знакомого ему пространства.

— За дверью? — переспросил он. — Там был проход.

— Обычный коридор?

Лавров поднял на неё глаза.

— Не совсем. Но, возможно, я путаю. Давно это было.

Он снова посмотрел на снимок, уже не торопясь возвращаться к прежним воспоминаниям. Элли не стала задавать следующий вопрос. Она хотела, чтобы он сам восстановил в памяти то, что видел, а не подстроил свой рассказ под её предположения.

— Странно, — тихо сказал Лавров. — Я почему-то был уверен, что этот проход хорошо помню.

Он отодвинул фотографию, взял чашку и сделал глоток чая. Обычный разговор о старом месте работы впервые приобрёл для Элли конкретное значение: Лавров не просто подтвердил адрес и внешний вид здания. Он вспомнил пространство за дверью, которого она не смогла найти на официальном плане.

Но пока это было только воспоминание. Элли предстояло выяснить, что именно Лавров имел в виду и почему его рассказ мог не совпадать с документами.

Элли вернулась к разговору о внутренней планировке. Она попросила Лаврова вспомнить, как располагались рабочие помещения «Техносферы» и каким маршрутом сотрудники обычно попадали в технические комнаты. Теперь он отвечал увереннее. По его словам, основная часть отдела находилась в глубине здания, а оборудование, требовавшее особых условий,

хранилось отдельно. Доступ туда был несложным, но посетители без сопровождения туда не заходили.

— Вы сказали, что за стеклянной дверью был проход, — напомнила Элли. — Можете описать его подробнее?

Лавров кивнул и снова взял фотографию. Он указал на дверь у входа, затем провёл пальцем вдоль края фасада, словно мысленно продолжал изображение за пределами кадра.

— За ней начинался короткий коридор. Сначала шёл прямо, потом поворачивал налево, если смотреть от входа. Там было немного темнее, чем в основном холле. Свет включался отдельным выключателем, и его часто забывали выключать. В конце находилась ещё одна дверь. За ней — техническое помещение.

— Оно принадлежало «Техносфере»?

— Мы им пользовались, но не могу сказать, что оно полностью принадлежало нам. Там стояли измерительные приборы и несколько шкафов с аппаратурой. Иногда туда приносили оборудование на проверку. По-моему, ключи были у нашего заведующего и ещё у кого-то из администрации здания.

— Вы часто там бывали?

— Достаточно часто. Если нужно было проверить блок или снять показания, мы шли туда. Помню даже, что у дальней стены стоял длинный металлический стол. На нём обычно лежали кабели, переходники и всякие мелочи, которые никто не убирал на место. А вдоль стены были закреплены кабельные каналы. Их несколько раз переделывали.

Лавров рассказывал без заметных колебаний. Он не пытался произвести впечатление и не искал в своих воспоминаниях чего-то необычного. Наоборот, его описание состояло из таких бытовых подробностей, которые обычно и сохраняются в памяти человека, много лет проработавшего в одном месте.

Элли спросила, куда вёл поворот и можно ли было попасть в это помещение другим путём.

— Насколько я помню, другого входа не было. По крайней мере, со стороны наших рабочих кабинетов. Чтобы попасть туда, нужно было пройти через стеклянную дверь, свернуть в коридор и дойти до конца. Возможно, существовал служебный доступ с другой стороны, но я им не пользовался.

— А за помещением что-нибудь находилось? Ещё один коридор, лестница?

Лавров покачал головой.

— Нет, там была стена. Помещение заканчивалось у наружной части здания. Хотя... — Он ненадолго задумался. — Нет, именно так и было. Я помню, потому что однажды мы пытались протянуть дополнительный кабель, и пришлось искать обходной маршрут. Напрямую провести его не получалось.

Элли отметила это в блокноте. В рассказе Лаврова не было ничего невозможного: старое здание могло иметь внутренние проходы, которые не попали в поздние планы. Однако её собственная проверка показывала другое. На официальной схеме за стеклянной дверью не было коридора с поворотом. Эта часть здания обозначалась как глухая стена, а пространство, которое Лавров описывал как отдельную техническую комнату, на плане вообще отсутствовало.

Она пока не стала показывать ему схему. Если Лавров действительно помнил это место, ей не хотелось невольно подсказывать ему, где именно искать несоответствие. Сначала следовало получить от него как можно более самостоятельное описание, а уже потом сравнить его с документами.

— Вы помните, как выглядела дверь в техническое помещение? — спросила Элли. — На ней была табличка, номер?

— Табличка, кажется, была. Но что на ней написано, не скажу. Может быть, название отдела, может быть, просто предупреждение. Номер я точно не помню.

— А само помещение было большим?

— Не огромным. Для нескольких рабочих мест хватало. Там можно было разместить стол, приборные стойки и шкафы. Если одновременно работали двое или трое, становилось тесновато. Но для наших задач подходило.

— Вы помните, когда впервые туда попали?

Лавров нахмурился, пытаясь восстановить последовательность событий.

— Не сразу после устройства на работу. Сначала меня знакомили с кабинетом и оборудованием, а потом уже показали технические комнаты. Думаю, через несколько дней. Хотя точную дату теперь, конечно, не назову.

Элли не стала настаивать. Она понимала, что память спустя столько лет не могла сохранить каждую подробность одинаково чётко. Важно было другое: Лавров не просто подтвердил существование какого-то подсобного помещения. Он описал маршрут к нему, направление поворота, расположение оборудования и даже причину, по которой запомнил одну из стен.

— Вы когда-нибудь замечали, чтобы это помещение перестраивали или закрывали? — спросила она.

— Нет. Пока я там работал, оно использовалось. Потом я ушёл, а что происходило дальше, не знаю. В те годы арендаторы постоянно менялись. Вполне возможно, позже всё переделали.

Это было первое обычное объяснение, которое Элли могла принять всерьёз. Если помещение существовало во время работы Лаврова, его могли убрать при последующей реконструкции. Но тогда оставался вопрос: почему оно не отражено на официальном плане, который она изучала? Схема относилась к периоду, когда здание ещё использовалось, а не к его последним годам.

Элли пока не сообщила об этом Лаврову. Она попросила его ещё раз описать путь от стеклянной двери до технической комнаты, не заглядывая в фотографию. Он повторил последовательность почти так же, как в первый раз: дверь, короткий прямой участок, поворот налево, отдельная дверь в конце и помещение с оборудованием.

Она записала его слова почти дословно.

Теперь у неё было описание, которое можно было проверить по планам и архивным снимкам. Пока оно не доказывало, что официальные документы ошибочны. Возможно, Лавров перепутал здание или соединил в памяти детали разных помещений. Но Элли не могла исключить и другое: в истории этого здания действительно существовала часть, которая по какой-то причине исчезла из документации.

Она закрыла блокнот, но фотографию оставила на столе.

— Виктор Сергеевич, я хотела бы показать вам одну схему. Сначала вы расскажете, что на ней узнаете, а потом мы сравним её с вашим описанием.

Лавров согласился. Элли достала из папки распечатку официального плана, но не стала сразу разворачивать её перед ним. Сначала ей нужно было убедиться, что он по-прежнему помнит помещение именно так, как только что рассказал.

Элли развернула распечатку и положила её рядом с фотографией. План был составлен аккуратно: стены, дверные проёмы, лестничные площадки и назначение помещений обозначались условными линиями и подписями. Она указала на участок за стеклянной дверью, о котором они говорили.

— Вот эта часть здания. Посмотрите внимательно. Вы узнаете расположение входа?

Лавров надел очки и придвинул лист. Сначала он изучал план молча, время от времени переводя взгляд на фотографию. Затем нахмурился и наклонился ближе.

— Нет. Здесь что-то не так.

— Что именно?

Он постучал пальцем по схеме.

— Вот дверь. А дальше должен идти проход. Он поворачивал в сторону, примерно здесь.
— Лавров провёл пальцем по пустому участку плана. — А у вас здесь стена.

— Согласно этой схеме, за дверью нет коридора. Только глухая стена.

— Вот именно. Но там был коридор. Я же вам только что объяснял, как туда проходил.

В его голосе впервые появилась заметная раздражённость. Не на Элли, скорее на саму бумагу, которая противоречила тому, что он считал несомненным. Он снова посмотрел на фотографию, словно надеялся найти на ней подтверждение своим словам.

— Может быть, вы вспоминаете более раннюю планировку? — осторожно спросила Элли. — До того, как составляли этот план?

— Не знаю, когда именно составлена ваша схема. Но когда я работал в «Техносфере», проход существовал. Я пользовался им не раз. И не один я. Там работали наши сотрудники, иногда приходили люди из других отделов.

— Вы уверены, что речь идёт именно об этом здании?

Лавров поднял на неё глаза.

— Абсолютно. Я помню вход, лестницу, кабинеты. Помню, где стояли наши столы. И помню это помещение. Вы можете спросить у меня о чём угодно, но я не стану утверждать, что ходил по коридору, которого никогда не видел.

Элли не стала спорить. Уверенность свидетеля сама по себе ничего не доказывала, однако Лавров не просто повторял первоначальный рассказ. Он указывал на конкретные места, пытался соотнести их с планом и замечал, где именно схема расходилась с его воспоминаниями.

— Вы сказали, что в помещении находилось оборудование. Что именно там было?

Лавров немного успокоился и снова склонился над листом.

— Разные измерительные приборы, стойки, блоки. Но не всё оборудование мы могли обслуживать самостоятельно. Часть аппаратуры была специфической, и доступ к ней имели только определённые сотрудники.

— По какому принципу предоставлялся доступ?

— Насколько я помню, требовалось разрешение ответственного за оборудование. У некоторых работников были соответствующие допуски, у остальных — нет. Это не означало, что там происходило что-то секретное. Просто приборы были дорогими, а некоторые установки требовали определённых навыков. Не каждый инженер должен был с ними работать.

— Вы знали, кто именно имел такой допуск?

— Несколько человек знал. Но не уверен, что сейчас смогу назвать всех. Кроме того, не все они числились в «Техносфере». Иногда оборудование обслуживали специалисты организации, которая его предоставляла.

Элли записала это уточнение. Оно могло объяснять, почему в старых справочниках не находилось сведений о части сотрудников. Если в техническом помещении работали представители других организаций, их имена могли отсутствовать в списках персонала «Техносферы». Но пока это оставалось лишь предположением.

— Вы помните, для чего предназначалась эта аппаратура?

Лавров помедлил.

— Не могу сказать наверняка. Мы занимались диагностикой и испытаниями, но не всё оборудование относилось к нашей работе. Иногда нам поручали только проверить питание, соединения или состояние отдельных блоков. Что именно делали специалисты с допуском, я знал не во всех случаях.

— Вели ли вы какие-нибудь журналы обслуживания?

— Конечно. Для обычных приборов — журналы проверок и ремонта. Для той аппаратуры, о которой я говорю, тоже должна была быть документация. Но где она сейчас, я не знаю.

После закрытия организации бумаги могли передать в архив, а могли и уничтожить за ненадобностью.

Элли посмотрела на свои записи. В доступных ей справочниках, архивных публикациях и документах о здании не было ни упоминания отдельного технического помещения, ни сведений об оборудовании, требовавшем специального допуска. Даже на плане, который она проверила по нескольким источникам, соответствующий участок был обозначен как глухая стена.

— Вы когда-нибудь видели этот план раньше? — спросила она.

— Нет. Но если его выдавали за точную схему здания, то он неверен.

— Возможно, он отражает состояние здания на другую дату.

— Возможно, — согласился Лавров. — Но тогда должно быть понятно, когда и что изменилось. Я не помню, чтобы проход закрывали или помещение ликвидировали, пока я там работал.

Он вернул ей план, однако продолжал смотреть на него с явным недоверием. Элли убрала лист в папку. Она не хотела превращать встречу в спор о том, кто лучше помнит старое здание. Её задача состояла в том, чтобы установить, какие детали можно подтвердить независимо от воспоминаний.

— Виктор Сергеевич, вы упомянули сотрудников с особым допуском. Они работали там постоянно или приходили время от времени?

— По-разному. Иногда я видел их несколько дней подряд, потом они могли долго не появляться. Обычно они приходили не через главный вход, а со стороны служебного коридора.

Лавров замолчал, будто только теперь заметил, что сказал нечто, чего прежде не упоминал.

— Со стороны какого коридора? — спросила Элли.

Он задумался и покачал головой.

— Не хочу вас запутать. Возможно, я имею в виду другой вход, который находился дальше по зданию. Я давно там не был.

Элли не стала развивать эту тему. Воспоминания Лаврова были подробными, но не безупречными. Он мог перепутать отдельные маршруты или связать события, между которыми прошло несколько лет. Однако главное противоречие никуда не исчезло: он уверенно описывал проход и техническую комнату, которых не существовало на доступном ей плане.

Вернувшись к фотографии, Элли ещё раз посмотрела на стеклянную дверь. Теперь за ней для неё было не просто неясное отражение, а место, которое один человек помнил вполне определённо, хотя официальная схема отрицала само его существование.

Она поблагодарила Лаврова и попросила разрешения связаться с ним снова, если возникнут дополнительные вопросы. Он согласился, но перед уходом добавил:

— Только не делайте выводов по одному плану. Бумаги иногда теряются, а иногда люди составляют их так, будто знают здание лучше тех, кто в нём работал.

Элли не ответила. Она уже думала о том, какие документы можно найти, чтобы проверить его рассказ. Если помещение действительно существовало, должны были остаться хотя бы косвенные следы: записи об оборудовании, документы на обслуживание, фотографии или упоминания в рабочих журналах. А если никаких следов не сохранилось, ей предстояло выяснить, почему.

Элли не спешила убирать блокнот. Рассказ Лаврова содержал достаточно подробностей, чтобы проверить хотя бы часть его воспоминаний, но ей требовалось отделить то, что он действительно помнил, от того, что мог восстановить по ходу разговора. Она снова достала фотографию и положила её рядом с планом.

— Виктор Сергеевич, давайте вернёмся к проходу. Вы сказали, что за стеклянной дверью нужно было повернуть налево. Если смотреть от входа, поворот находился сразу за дверью или дальше?

— Не сразу. Сначала несколько метров прямо, потом поворот. Там ещё выступ стены был, поэтому из холла не было видно, что находится за ним.

Элли записала ответ. На фотографии за стеклом действительно просматривалась тёмная вертикальная линия, которую она прежде принимала за край дверного проёма или отражение. Теперь она увеличила снимок на экране телефона и показала этот участок Лаврову.

— Вы имеете в виду вот это место?

Он посмотрел на экран.

— Да, похоже. Только по фотографии трудно судить о расстоянии. Там был угол, и за ним начинался проход.

— А ступени? Вы упоминали лестницу, когда мы говорили о служебных помещениях.

Лавров слегка нахмурился, затем уверенно ответил:

— В самом проходе ступеней не было. Пол был ровный. Но перед тем участком, где находилось техническое помещение, была небольшая лестница. Кажется, три ступени вниз. Не больше.

— Она вела непосредственно к двери?

— Почти. Сначала площадка, потом дверь. Если не знать, что там находится, можно было пройти мимо и не обратить внимания. Это был не основной маршрут по зданию.

Элли перечитала свою запись. В прежних документах лестница не упоминалась. На официальном плане весь этот участок оставался частью глухой стены. Она не стала сообщать об этом Лаврову и задала следующий вопрос:

— Куда вела лестница, если идти в другую сторону? Был ли там ещё один выход?

— Другой выход? — Он задумался. — Не припоминаю. Вниз, к технической комнате, а дальше — тупик. По крайней мере, я знал только этот путь. Возможно, существовал служебный проход, но я его не видел.

— Вы говорили, что иногда туда приходили специалисты из других организаций. Они пользовались тем же входом?

— Обычно да. Но не всегда я видел, откуда они приходили. У меня не было обязанности следить за их перемещениями. Я отвечал за свою работу.

Ответ прозвучал спокойно и без попытки объяснить больше, чем он знал. Элли отметила это про себя. Лавров не стремился заполнить пробелы догадками и открыто признавал, когда чего-то не помнил. Это не делало его воспоминания безошибочными, но позволяло точнее определить их границы.

— А кто имел ключ от двери технического помещения?

— Наш заведующий отделом. Ещё, вероятно, кто-то из администрации. У сотрудников, которые обслуживали специальную аппаратуру, могли быть собственные ключи или разрешение на вход. Но я не помню, чтобы их выдавали всем подряд.

— Вы сами имели доступ?

— Да. Для некоторых работ мне требовалось заходить туда. Но к отдельным приборам меня не допускали. Я мог обслужить питание или проверить соединения, а к самой установке прикасался только специалист, отвечавший за неё.

— Вы помните, как выглядела эта установка?

Лавров покачал головой.

— В общих чертах. Металлические стойки, приборы, кабели. Но я не хочу сейчас придумывать подробности. Оборудования там было много, и за столько лет всё могло смешаться в памяти.

Элли убрала телефон и вернулась к фотографии. Её интересовал человек, заметный в отражении стекла. На снимке он стоял так, словно смотрел в сторону камеры, а возле его плеча виднелась светлая полоса. Рядом с ним различался небольшой прямоугольный предмет, но качество изображения не позволяло понять, что это было.

— Вы помните кого-нибудь, кто часто приходил в техническое помещение, хотя не работал в «Техносфере»?

— Несколько человек. Одного или двух я мог бы узнать, если бы увидел фотографии. Но фамилии сейчас не назову.

— А одежду? Например, тёмную куртку со светлой полосой на плече?

Лавров внимательно посмотрел на снимок.

— Такую одежду могли носить многие. Не могу сказать, что помню кого-то конкретного в такой куртке.

Элли не стала настаивать. Она и сама не была уверена, что деталь на фотографии имела какое-то значение. Важно было не заставить свидетеля принять её предположение за собственное воспоминание.

Она открыла блокнот на странице с записями Томаса и показала Лаврову короткую строку из календаря: адрес старого здания и обозначение «С-17».

— Ещё один вопрос. Вам знаком этот код? Возможно, он относился к помещению, оборудованию или внутренней системе нумерации.

Лавров несколько секунд рассматривал запись.

— С-17, — повторил он. — Нет, ничего определённого не вспоминается.

— Может быть, так обозначали техническую комнату?

— Не могу сказать. У нас были номера приборов, инвентарные номера, обозначения в документации. Но именно такого обозначения я не помню. И не стал бы утверждать, что оно связано с тем помещением.

— А если это номер отдельной установки?

— Возможно. Но тогда он должен был где-то фигурировать в документах. По одному коду я ничего не определяю.

Элли убрала блокнот. Реакция Лаврова её не удивила. Она надеялась, что обозначение поможет ему вспомнить что-то конкретное, но не рассчитывала на это всерьёз. «С-17» могло относиться к чему угодно, а связь с технической комнатой пока существовала только как предположение.

Они ещё немного поговорили о прежней работе Лаврова. Он вспомнил, как сотрудники отмечали результаты испытаний, как передавали оборудование между отделами и как иногда приходилось искать нужные документы среди старых папок. Никаких новых сведений о помещении или его назначении он больше не сообщил.

Перед уходом Элли попросила его подумать, не сохранились ли у него старые рабочие записи, фотографии или контакты бывших коллег. Лавров обещал проверить домашние архивы и, если что-нибудь найдёт, связаться с ней.

На улице Элли остановилась у входа в кафе и открыла блокнот. Она перечислила детали, которые Лавров описал без подсказок: поворот за стеклянной дверью, выступ стены, короткая лестница из трёх ступеней, площадка перед дверью и отдельное техническое помещение. Некоторые из этих деталей она сама заметила на фотографии лишь после того, как начала сопоставлять её с планом.

Однако обозначение «С-17» ничего ему не сказало. Это могло означать, что код появился позднее, относился к другой системе или вообще не имел отношения к зданию. Делать выводы было рано.

Элли закрыла блокнот. Теперь у неё имелось подробное свидетельство человека, который утверждал, что пользовался проходом лично. Следующим шагом была проверка документов: если Лавров действительно помнил существовавшее помещение, следы его использования могли сохраниться в архивах — даже если самого помещения не было на официальном плане.

Вернувшись домой, Элли разложила на столе материалы по зданию: официальный план, архивные фотографии, выписки из старых справочников и документы, связанные с его после-

дующей реконструкцией и сносом. Рассказ Виктора Сергеевича Лаврова был достаточно подробным, чтобы попытаться проверить его по независимым источникам. Теперь следовало выяснить, существовали ли хоть какие-нибудь документальные следы описанного им прохода и технического помещения.

Начала Элли с планов. Она уже проверяла основную схему, но теперь решила сравнить её с документами разных лет. Если помещение действительно существовало, оно могло появиться в ранней планировке, а позднее исчезнуть после перепланировки. Она просмотрела доступные копии чертежей, обращая внимание на толщину стен, дверные проёмы, лестничные площадки и участки, которые могли быть обозначены как технические или вспомогательные.

Результат оказался прежним. На всех доступных схемах за стеклянной дверью находилась стена. Ни короткого коридора с поворотом, ни лестницы, ведущей к отдельному помещению, на чертежах не было. Элли проверила даты составления документов: они относились к разным периодам, поэтому объяснить противоречие одной поздней перепланировкой не получалось. По крайней мере, среди найденных материалов не было плана, на котором проход существовал бы.

Она перешла к фотографиям. На снимках фасада просматривались окна, двери и характерные элементы наружной отделки. Некоторые фотографии были сделаны до того, как здание признали аварийным, другие — уже незадолго до сноса. Элли сопоставила их с планами и фотографией Томаса, пытаясь понять, можно ли было разместить за стеной дополнительное помещение, не изменив внешний вид здания.

Однозначного ответа снимки не давали. На отдельных изображениях за стеклом различались тёмные участки и отражения, но качество фотографий не позволяло уверенно определить, что именно находилось внутри. Ни один из кадров не подтверждал наличие коридора. В то же время они не позволяли окончательно исключить небольшую внутреннюю перестройку, сведения о которой могли не попасть в доступный архив.

Затем Элли изучила документы о ремонте и реконструкции. Она искала упоминания о переносе перегородок, устройстве новых проёмов, изменении лестниц или переоборудовании технических комнат. В документах перечислялись обычные работы: замена коммуникаций, ремонт отдельных помещений, обновление электроснабжения. Однако ничего, что объясняло бы появление описанного Лавровым прохода, она не нашла. Не было и сведений о том, что его впоследствии заложили или превратили в часть стены.

Отдельно Элли проверила доступные сведения об оборудовании. В старых справочниках «Техносфера» значилась как организация, занимавшаяся диагностикой и испытаниями электронных систем. Это соответствовало словам Лаврова. Но никаких документов, которые подтверждали бы наличие в здании отдельной установки с ограниченным доступом, обнаружить не удалось. В публикациях не упоминались ни специальная техническая комната, ни сотрудники, отвечавшие за подобную аппаратуру. Не нашлось и журналов обслуживания, актов передачи оборудования или инвентарных описей, по которым можно было бы восстановить её назначение.

Элли понимала, что отсутствие документов ещё не означает отсутствия самого помещения. Организация давно прекратила существование, а доступная ей часть архива могла быть неполной. Рабочие журналы могли остаться у бывших сотрудников, затеряться при переезде или вообще не сохраниться. Но чем больше материалов она проверяла, тем заметнее становился разрыв между двумя картинками прошлого.

В одной здание выглядело вполне обычным: кабинеты, лестницы, несколько арендаторов, инженерная фирма и помещения, назначение которых было отражено в документах. В другой существовал проход за стеклянной дверью, короткая лестница и техническая комната с оборудованием, к которому допускали лишь определённых специалистов. Эту вторую картину опи-

сывал Лавров, причём достаточно уверенно и без заметных попыток приукрасить собственные воспоминания.

Элли вспомнила их разговор в кафе. Мужчина не старался убедить её, что официальные документы скрывают правду. Он допускал, что мог забыть отдельные детали, не называл точных дат, когда не был в них уверен, и прямо признавал, что не знает назначения всей аппаратуры. Когда она показала ему обозначение «С-17», он не стал связывать его с помещением только потому, что это могло поддержать его рассказ. Он просто сказал, что не помнит такого кода.

Конечно, это не доказывало, что его память безошибочна. За прошедшие годы он мог перепутать детали разных помещений, забыть, когда именно происходили изменения, или невольно соединить несколько событий в одно воспоминание. Элли не собиралась исключать такие объяснения. Но и оснований считать, что Лавров сознательно выдумывал историю, у неё не было.

Она открыла заметки и разделила их на две части. В первой перечислила то, что удалось подтвердить: «Техносфера» действительно работала по этому адресу, занималась испытаниями электронных систем, а здание впоследствии реконструировали и снесли. Во второй оставила то, что пока существовало только в рассказе Лаврова: проход, лестница, отдельное техническое помещение и оборудование с ограниченным доступом.

Обозначение «С-17» она записала отдельно. Оно связывало старое здание с рабочими записями Томаса, но не объясняло, что именно имелось в виду. Лавров его не узнал, а документы не помогли установить значение.

Элли откинулась на спинку кресла и посмотрела на фотографии. Она начала расследование с предположения, что странности в снимке Томаса можно объяснить искажением изображения или ошибкой в старых документах. Теперь выяснялось, что документы не подтверждали воспоминания человека, который, судя по его рассказу, хорошо знал здание. При этом сам свидетель не давал ей никаких оснований считать свою версию доказанной.

Она сохранила найденные планы и фотографии в отдельную папку. Противоречие оставалось, и разрешить его одним лишь изучением доступных материалов не удалось. Чтобы продвинуться дальше, Элли требовались другие источники — возможно, бывшие сотрудники «Техносферы», их личные архивы или документы, которые никогда не попадали в официальные справочники.

Но прежде всего ей хотелось понять, почему Лавров так уверенно помнил помещение, которого не было ни на одном из найденных планов. И почему человек, подробно описавший его устройство, ничего не мог сказать о единственном обозначении, которое Томас оставил рядом с адресом этого здания.

Элли решила ещё раз связаться с Виктором Сергеевичем Лавровым. После проверки архивов у неё оставалось слишком много вопросов, а некоторые детали его рассказа теперь казались особенно важными. Она позвонила ему на следующий день и спросила, не вспомнил ли он чего-нибудь ещё о техническом помещении и людях, которые туда приходили.

— Я тут кое-что припомнил, — ответил Лавров после короткой паузы. — Не знаю, поможет ли вам это. Вспомнил одного человека, которого видел там всего раз или два.

— Вы работали с ним?

— Нет. В том-то и дело. Нас никто не знакомил, и я не знал, кто он такой. Я тогда пришёл проверить оборудование, а он уже находился в помещении. Разговаривал с кем-то из наших, но я не расслышал с кем именно.

Элли попросила его рассказать подробнее. Лавров предупредил, что прошло много лет и он не поручится за каждую мелочь, однако сам эпизод помнил довольно отчётливо.

В тот день он собирался проверить несколько измерительных блоков. Незнакомец стоял возле одной из стоек и рассматривал аппаратуру. Когда Лавров вошёл, мужчина обернулся и

поздоровался так, словно они уже встречались. Затем спросил, долго ли занимает проверка оборудования и можно ли выполнять её без отключения всей системы.

— Я ответил, что всё зависит от конкретного прибора, — вспоминал Лавров. — Он стал уточнять, кто обычно занимается обслуживанием, кому разрешён доступ и кто хранит ключи. Сначала я подумал, что он новый сотрудник или представитель заказчика. Но он задавал вопросы не совсем так, как обычно спрашивают люди, которым просто нужно проверить оборудование.

— Что именно показалось вам странным?

— Его интересовало не столько само оборудование, сколько порядок доступа. Кто может войти, кто выдаёт разрешение, бывает ли помещение закрыто, когда там никого нет. Я объяснил, что всё зависит от ответственного за аппаратуру. После этого он больше не расспрашивал меня.

Элли записала вопросы незнакомца. Они могли показаться обычными для человека, которому поручили ознакомиться с технической частью здания. Но в сочетании с отсутствием знакомства и непонятной ролью посетителя этот эпизод заслуживал внимания.

— Вы помните, как он выглядел?

— Примерно моего возраста тогда он не был. Скорее, лет тридцать или около того. Среднего роста, худощавый, тёмные волосы. Лицо обычное, ничем особенно не запомнилось. Кажется, был чисто выбрит. Одет в тёмную куртку или пиджак, точно не скажу. На плече, по моему, была светлая полоса.

Элли перестала писать.

— Светлая полоса? На одном плече?

— Да, вроде бы. Не могу утверждать, что это была именно полоса. Возможно, светлая вставка или шов. Я тогда не придал этому значения.

Элли посмотрела на фотографию Томаса, лежавшую рядом с компьютером. В отражении стеклянной двери она заметила похожую деталь на одежде неизвестного человека. Совпадение было далеко не точным: изображение оставалось размытым, а Лавров вспоминал события многолетней давности. Тем не менее сходство оказалось достаточно заметным, чтобы она не стала задавать наводящих вопросов.

— Вы помните, что он держал в руках? — спросила она.

— Кажется, что-то небольшое. Может быть, блокнот или какой-то прибор. Я не разглядывал. Он не просил меня ничего передавать и не вмешивался в работу.

Элли вспомнила небольшой прямоугольный предмет в руке человека на фотографии. На изображении у предмета различался короткий выступ, но определить его назначение было невозможно. Лавров мог помнить совсем другую вещь. Она не стала уточнять форму предмета или спрашивать, был ли он похож на устройство.

— Вы встречали этого человека позже?

— Нет. По крайней мере, я его больше не помню. Возможно, он приходил и в другие дни, когда меня не было. А может, я видел его всего один раз.

— Кто-нибудь объяснил вам, кто он такой?

— Нет. Я не стал спрашивать. У нас и без того постоянно появлялись представители разных организаций. Если человек находился в помещении с разрешения ответственного, я не считал нужным выяснять его биографию.

Элли поблагодарила Лаврова и закончила разговор. Она не хотела, чтобы её интерес к незнакомцу повлиял на его дальнейшие воспоминания. Если у него сохранились какие-то подробности, лучше было дать им проявиться самостоятельно, а не предлагать готовую версию.

Она открыла на экране фотографию Томаса и увеличила отражение в стеклянной двери. Неизвестный стоял чуть в стороне от остальных людей. Его лицо почти терялось в бликах, но

одежда просматривалась лучше: тёмная верхняя часть, светлая деталь возле плеча и небольшой предмет в руке.

Элли сопоставила изображение с заметками о рассказе Лаврова. Совпадали три детали: тёмная одежда, светлая полоса у плеча и небольшой предмет, который незнакомец держал при себе. Ни одна из них по отдельности не была уникальной. Даже все три вместе не доказывали, что Лавров встретил именно того человека, который попал на фотографию.

Она открыла архивный снимок здания, сделанный примерно в тот же период. На нём тоже виднелась фигура в тёмной одежде со светлой деталью у плеча, но качество изображения не позволяло установить, был ли это тот же человек. Элли пока не стала объединять эти изображения в одну последовательность. Для этого не хватало оснований.

Оставался ещё один вопрос: зачем неизвестный интересовался доступом к техническому помещению? Возможно, он представлял организацию, обслуживавшую оборудование. Возможно, проверял условия работы или готовился к испытаниям. Лавров не знал его имени, а значит, не мог помочь с дальнейшей проверкой.

Элли внесла в записи отдельную пометку: «Неизвестный посетитель. Вопросы о доступе и обслуживании оборудования. Тёмная одежда, светлая деталь у плеча. Личность не установлена». Ниже она добавила: «Возможное сходство с человеком на фотографии — не подтверждено».

Она привыкла не превращать совпадения в выводы раньше времени. Но теперь фотография Томаса связывала между собой несколько деталей, которые прежде существовали отдельно: странное отражение, не отражённое в планах помещение и человека, проявлявшего интерес к тому, кто мог попасть внутрь.

Элли закрыла файл. Она всё ещё не знала, кто был этот посетитель и какое отношение он имел к Томасу. Но впервые у неё появилась зацепка, которую можно было проверять не только по документам, но и по людям, работавшим в здании.

Вечером Элли снова открыла материалы дела Томаса Вейла и создала отдельный документ для записей о старом здании. Она решила пока не пытаться объяснить найденные несоответствия, а сначала привести сведения в порядок. За время расследования накопилось достаточно деталей, но далеко не все они имели одинаковую ценность. Одни можно было подтвердить документами, другие основывались исключительно на словах людей или на неоднозначных изображениях.

В первую группу Элли внесла сведения о самой «Техносфере»: организация действительно работала по указанному адресу и занималась диагностикой и испытаниями электронных систем. Здание существовало, его внешний вид совпадал с фотографией Томаса, а позднее оно было признано аварийным и снесено. Эти факты не вызывали у неё сомнений.

Отдельно она записала то, что пока не удалось подтвердить. Проход за стеклянной дверью, поворот налево, несколько ступеней вниз и отдельное техническое помещение существовали только в воспоминаниях Виктора Сергеевича Лаврова. Ни на одном из найденных планов они не значились. Не удалось обнаружить и документов об оборудовании, к которому, по словам бывшего инженера, допускали лишь определённых сотрудников.

Третью группу составляли детали, значение которых оставалось неясным. Неизвестный посетитель, задававший вопросы о доступе к техническому помещению, мог быть обычным представителем другой организации. Его описание отчасти совпадало с внешними деталями фигуры на фотографии, но качество снимка не позволяло установить личность. Обозначение «С-17» по-прежнему не имело объяснения. Лавров его не узнал, а в доступных документах Элли ничего похожего не нашла.

Она перечитала записи и вернулась к главному противоречию. Возможно, Лавров действительно ошибался. За прошедшие годы воспоминания могли измениться, а подробности нескольких похожих помещений — соединиться в одно. Он мог перепутать даты или даже

здания, хотя уверенно узнавал фасад на фотографии. Нельзя было исключать и то, что проход существовал в течение короткого периода, не отражённого в документах, а позднее был ликвидирован.

Но одно обстоятельство мешало Элли принять любое из этих объяснений без дополнительных проверок. Лавров описал планировку до того, как увидел официальный план. Он не просто согласился с её предположением о скрытом помещении, а самостоятельно рассказал о повороте, лестнице, площадке и двери в конце прохода. Когда схема противоречила его словам, он не изменил рассказ, чтобы подстроиться под неё.

Конечно, последовательность воспоминаний ещё не делала их достоверными. Человек мог искренне ошибаться и при этом оставаться совершенно уверенным в собственной правоте. Элли слишком хорошо знала, насколько убедительными бывают воспоминания, которые невозможно подтвердить независимо. Именно поэтому она не собиралась записывать слова Лаврова как установленный факт.

И всё же списать его рассказ на случайную ошибку становилось труднее. Слишком много конкретных деталей совпадало с тем, что Элли пыталась понять по фотографии, хотя сам Лавров не видел снимок в увеличении и не знал, какие именно особенности привлекли её внимание. Его описание не разрешало загадку, а добавляло к ней ещё одно противоречие.

Элли открыла фотографию Томаса и увеличила участок за стеклянной дверью. Отражения накладывались друг на друга, скрывая часть пространства. Она попробовала изменить яркость и контраст, но изображение не стало заметно яснее. За дверью по-прежнему нельзя было уверенно различить ни коридор, ни стену. Только тёмный участок, который можно было объяснить несколькими способами.

Она сохранила исходный файл и закрыла редактор. Дальнейшая обработка вряд ли помогла бы без более качественной копии или оригинального негатива. Следовало снова поговорить с Мариной и выяснить, откуда именно взялась фотография, кто её сделал и сохранились ли другие снимки того дня. Возможно, в семейном архиве Томаса имелись изображения, которые никто не считал важными.

Перед завершением работы Элли добавила в документ ещё одну запись: «Показания Лаврова не подтверждены документально. Свидетель последователен, но возможна ошибка памяти. Не считать доказательством. Проверить по независимым источникам».

Она перечитала последнюю строку и оставила её без изменений. Ей не хотелось, чтобы необычность происходящего заставила её отказаться от обычных правил расследования. Пока у неё не было оснований утверждать, что здание существовало в какой-то другой версии реальности или что документы намеренно скрывали часть его истории. Подобные предположения ничего не объясняли, пока не было установлено, что именно произошло.

Но и прежнее объяснение — случайное совпадение нескольких не связанных между собой деталей — больше не казалось достаточным. Фотография, адрес в календаре Томаса, обозначение «С-17» и воспоминания Лаврова складывались в цепочку, в которой каждый следующий элемент усложнял предыдущий.

Элли закрыла папку дела, но не выключила компьютер. На экране оставалась фотография здания, сделанная задолго до исчезновения Томаса. Она смотрела на неё ещё несколько секунд, пытаясь понять, что именно упускает.

Пока Элли не знала ответа. Она знала только, что один человек помнил помещение, которого не было на официальных планах, и что это воспоминание возникло независимо от её собственных наблюдений. Этого было недостаточно для вывода, но достаточно, чтобы продолжить расследование.

На следующий день ей предстояло вернуться к Томасу — к его рабочим записям, календарю и людям, с которыми он встречался перед исчезновением. Возможно, именно там обна-

ружится связь, позволяющая проверить рассказ Лаврова. А возможно, её ожидало новое противоречие.

Элли сохранила документ. Впервые за всё время расследования она поймала себя на мысли, что боится не найти объяснение. Гораздо сильнее её тревожила возможность, что объяснение окажется вполне конкретным — и тогда придётся пересмотреть не только историю одного здания, но и собственное представление о том, чему можно доверять.

Элли снова открыла фотографию Томаса Вейла. За последние дни она изучила этот снимок десятки раз, увеличивала отдельные участки, сравнивала его с архивными изображениями и пыталась найти объяснение деталям, которые поначалу казались незначительными. Теперь фотография была связана с рассказом Виктора Сергеевича Лаврова — человека, который утверждал, что много раз проходил за стеклянную дверь и пользовался техническим помещением, отсутствовавшим на всех найденных планах.

Элли положила рядом блокнот и перечитала запись из календаря Томаса: адрес старого здания, затем короткое обозначение — «С-17». Она по-прежнему не знала, что оно означало. Лавров не узнал код, документы не помогли его расшифровать. Возможно, это был внутренний номер оборудования, помещения или какого-то рабочего задания. Пока ни одна версия не имела достаточных оснований.

Но сам адрес уже не казался случайной деталью. Томас собирался встретиться в здании, история которого содержала противоречие, подтверждённое независимым свидетельством. Лавров не знал о расследовании исчезновения до разговора с Элли, не видел её первоначальных заметок и описал проход прежде, чем она показала ему официальный план. Его воспоминания могли быть ошибочными, однако они не возникли в ответ на её предположения.

Элли ещё раз проверила, не торопится ли она соединять события только потому, что они укладываются в одну цепочку. Фотография не доказывала существование другого пространства. Рассказ Лаврова не доказывал, что официальные документы были неверны. А обозначение «С-17» могло оказаться обычной технической пометкой, не имеющей отношения ни к помещению, ни к исчезновению Томаса.

Она внесла в список дальнейших действий три пункта: выяснить происхождение фотографии, найти бывших сотрудников «Техносферы» и попытаться установить значение обозначения «С-17». Возможно, кто-то из коллег Лаврова помнил техническую комнату. Возможно, у кого-то сохранились рабочие журналы или старые снимки. Даже если официальная документация оказалась неполной, это ещё не означало, что все остальные следы исчезли.

Элли сохранила фотографию и закрыла файл. За окном уже стемнело, а на экране по-прежнему оставалась открытой папка с материалами дела. Она могла продолжать поиск всю ночь, но понимала, что сейчас ей нужны не новые предположения, а проверяемые сведения.

И всё же перед тем, как выключить компьютер, она вернулась к одной мысли, которая не давала ей покоя.

Если Лавров помнил помещение, которого не было в официальных документах, то что именно он помнил? Реальное место, позднее забытое историей здания? Ошибку собственной памяти? Или нечто, для чего пока не существовало подходящего объяснения?

Элли не стала выбирать между этими версиями. Она ещё не знала, связана ли странность с исчезновением Томаса и имеет ли она вообще отношение к тому, что произошло с самой

Элли в прошлом. Любая попытка ответить сейчас означала бы подменить расследование догадками. Но появился вопрос, который выходил далеко за пределы одного здания. Если что-то исчезло из официальной истории, обязательно ли оно исчезло из памяти всех, кто когда-либо с этим сталкивался?

Элли выключила компьютер. Завтра она продолжит искать людей, документы и факты. Пока это было единственным способом приблизиться к ответу. А фотографию Томаса она

оставила рядом с блокнотом — открытой на том участке, где за стеклянной дверью отражалось пространство, которого, согласно планам, не должно было существовать.

Глава 5. Первый след

На следующий день Элли снова включила компьютер Томаса. До этого она уже просматривала его документы и переписку, но ничего, что могло бы объяснить исчезновение, не нашла. Обычная рабочая информация: технические файлы, отчёты, несколько таблиц, переписка по текущим задачам. Всё выглядело настолько буднично, что компьютер скорее подтверждал версию о том, что Томас просто слишком много работал, чем помогал понять, куда он исчез.

Но после разговора с Лавровым Элли решила посмотреть на компьютер иначе. Её интересовали уже не только файлы, которые Томас считал нужным сохранить. Иногда больше говорили следы работы — то, что оставалось после открытия, копирования или изменения документов и о чём пользователь мог даже не помнить.

Она открыла системный журнал и начала просматривать последние операции. Затем перешла к временным файлам, архивам и папкам, которые обычно не попадали в поле зрения при обычной работе. Проверила историю изменения документов, даты создания каталогов, последние обращения к файлам. Несколько раз ей попадались пустые или давно не использовавшиеся папки, но ничего необычного в них не было.

Элли не спешила. Она уже поняла, что в этом деле поспешный вывод может оказаться опаснее отсутствия вывода. Фотография, показания Лаврова, помещение, которого не было на плане, и короткая запись «С-17» пока оставались отдельными кусочками. Возможно, между ними вообще не существовало связи. Но если Томас действительно что-то искал, следы этого поиска могли остаться там, где он сам их уже не замечал.

Она снова открыла список каталогов и медленно просмотрела его сверху вниз. Несколько папок она уже проверяла. Другие были обычными рабочими каталогами. Затем взгляд Элли остановился на одной из папок, которую раньше она почти не заметила. Название было нейтральным и ничем не выделялось среди остальных, но дата последнего изменения заставила её задержаться на ней чуть дольше. Элли задержала на ней курсор. Папка выглядела совершенно обычно. Именно поэтому она и решила открыть её ещё раз.

Элли включила отображение скрытых элементов и ещё раз просмотрела содержимое диска. Большинство найденных каталогов оказалось обычными системными папками, которые не имели никакого отношения к работе Томаса. Она уже собиралась закрыть окно, когда заметила каталог с коротким, почти бессмысленным названием. В списке он ничем не выделялся и легко терялся среди других папок.

Она открыла его. Внутри оказалось всего несколько файлов небольшого размера и ещё один каталог. Ни документов, ни фотографий, ни привычных рабочих материалов. Файлы имели технические имена и расширения, с которыми Элли раньше не сталкивалась в компьютере Томаса.

Она проверила даты создания. Они относились к одному периоду, но не совпадали с последними рабочими документами. Один из файлов был изменён значительно позже остальных.

Элли открыла свойства каталога. Система показывала, что к нему обращались недавно, хотя сама папка выглядела давно заброшенной. Она снова посмотрела на список файлов, затем на дату последнего изменения.

Внизу оставался ещё один каталог. Его имя состояло из слова и двух цифр: **MIRROR_02**.

Элли несколько секунд просто смотрела на экран. Название ничего ей не говорило, но выглядело слишком осмысленным, чтобы быть случайным набором символов. Она открыла каталог.

Элли ещё раз посмотрела на содержимое каталога. Среди нескольких небольших файлов название **MIRROR_02** сразу выделялось. Оно не было похоже на случайно присвоенное системой имя и явно что-то означало для того, кто его создал.

Она проверила свойства файла. Размер был небольшим. Обычного текста в названии не было, расширение выглядело непривычно для рабочих документов Томаса. Элли попробовала определить, какой программой он был создан, но компьютер не смог сразу предложить подходящее приложение.

Она открыла остальные файлы из этой папки. Несколько из них оказались вспомогательными и практически бесполезными без дополнительного контекста. Ни одного знакомого названия проекта среди них не было.

Элли вернулась к **MIRROR_02**. Слово *mirror* — «зеркало» — могло означать что угодно: резервную копию, сравнение двух наборов данных, внутреннее обозначение эксперимента или просто рабочее название. Цифра два тоже ничего не объясняла. Она могла обозначать версию, этап работы или порядковый номер.

Элли проверила доступные ей материалы Томаса и поискала это название среди документов. Ни **MIRROR**, ни **MIRROR_02** там не встречалось. В известных ей рабочих проектах Томаса такого обозначения тоже не было.

Она не стала открывать файл наугад. Сначала решила выяснить, что именно компьютер может рассказать о нём без запуска содержимого. Если Томас действительно работал с этим файлом, следы должны были остаться не только внутри него.

Элли всё-таки попыталась открыть **MIRROR_02**. Система несколько секунд обрабатывала запрос, после чего вывела сообщение об ошибке. Файл не удалось прочитать. Она попробовала открыть его другой программой, но результат оказался тем же. Либо файл был повреждён, либо его содержимое имело формат, который компьютер больше не распознавал.

Элли не стала тратить время на попытки восстановить его вслепую. Она открыла свойства файла и внимательно просмотрела доступную информацию. Размер — всего несколько килобайт. Дата создания и дата последнего изменения отличались. Кроме того, система показывала несколько технических меток, связанных с последним обращением к файлу.

Она проверила даты ещё раз. Файл был создан до исчезновения Томаса. Причём не накануне и не в день его исчезновения, а раньше — в тот период, когда он ещё продолжал нормально ходить на работу.

Элли посмотрела на экран, затем снова открыла свойства каталога. **MIRROR_02** не выглядел случайным временным файлом. Кто-то создал его, какое-то время с ним работал, а затем оставил в папке, которую сам постарался сделать незаметной.

Она записала размер, даты и все доступные технические сведения. Сам файл пока ничего ей не сказал. Но теперь было ясно главное: **MIRROR_02 появился на компьютере Томаса задолго до его исчезновения.**

Элли снова посмотрела на свойства **MIRROR_02**, теперь уже сопоставляя даты с тем, что успела восстановить по последним неделям работы Томаса. Создание файла само по себе ничего необычного не показывало. Но дата последнего изменения не совпадала с последними рабочими записями. Между ними оставался промежуток, который сначала показался ей незначительным.

Она открыла журнал обращений к файлу. **MIRROR_02** появлялся там несколько раз. Томас открывал его, закрывал, снова обращался к нему спустя некоторое время. Последняя операция была выполнена тогда, когда в других рабочих документах уже не было никакой активности.

Элли сверила эти даты с календарём Томаса. В тот период у него не было запланированных встреч, обычной переписки становилось меньше, а последние документы по текущей работе были закрыты раньше. Судя по всему, обычными рабочими задачами он тогда уже не занимался.

Она не стала делать вывод, что именно в эти часы Томас работал с **MIRROR_02**. Компьютер мог сохранить техническую дату автоматически, а журнал не всегда позволял точно установить, кто находился перед экраном. Но последовательность всё равно выглядела странно.

Элли записала даты в блокнот и провела рядом короткую линию. Файл появился задолго до исчезновения Томаса, но интерес к нему не исчезал вместе с его обычной рабочей активностью. Казалось, в какой-то момент **MIRROR_02** стал для него важнее остальных файлов.

Элли снова посмотрела на название файла. Слово **MIRROR** могло обозначать что угодно. В технической работе его можно было использовать для резервной копии, дублирования данных, синхронизации двух систем или сравнения результатов. Само по себе оно ничего не объясняло.

Она решила проверить, не встречается ли это слово где-нибудь ещё. Поиск по компьютеру не дал ничего полезного. Других файлов с таким названием не было. В рабочих документах Томаса нашлось несколько отдельных фрагментов, где говорилось о копировании данных, контрольных значениях и сравнении двух наборов информации, но ни один из них напрямую с **MIRROR_02** не связывался.

Элли открыла несколько последних технических записей. В одной упоминалась проверка целостности данных, в другой — повторная обработка результатов, ещё в одной встречалась короткая пометка о расхождении показаний. Записи были сделаны в разные дни и относились к разным задачам. Вместе они пока выглядели не как система, а как набор рабочих заметок.

Она просмотрела их ещё раз, пытаясь найти повторяющуюся последовательность. Ничего. Ни описания эксперимента, ни объяснения названия, ни ссылки на конкретное устройство.

Элли записала несколько терминов в блокнот и рядом поставила вопросительный знак. Возможно, **MIRROR** было внутренним обозначением какой-то работы Томаса. Возможно, он использовал это слово только для себя. А может быть, смысл находился вовсе не в самом названии, а в том, что было записано внутри файла.

Пока единственное, что она могла утверждать наверняка, — **MIRROR_02** не был обычным рабочим документом. А значит, нужно было понять, что Томас вкладывал в это название и почему файл оказался именно здесь.

Элли ещё раз проверила содержимое каталога и перешла к системным сведениям. Если **MIRROR_02** когда-то редактировался или использовался вместе с другими файлами, компьютер мог сохранить хотя бы след такой работы. Она открыла журнал операций и начала просматривать записи, относящиеся к дате последнего обращения к файлу.

Через несколько минут среди обычных системных строк она заметила знакомое имя. **MIRROR_02** упоминался рядом с другим объектом, которого в каталоге уже не было. Запись показывала, что некоторое время назад этот файл существовал, а затем был удалён.

Элли проверила корзину, временные каталоги и доступные резервные копии. Ничего. Файл либо был удалён окончательно, либо система уже успела очистить его следы. Она попыталась восстановить его по оставшимся данным, но удалось получить только небольшой фрагмент.

На экране появилась короткая строка, лишённая контекста: «...после первого перехода...»

Элли несколько секунд смотрела на неё, затем сохранила восстановленный фрагмент отдельно. Слишком мало, чтобы понять смысл, но достаточно, чтобы убедиться: **MIRROR_02**

не существовал сам по себе. До его появления или работы с ним Томас использовал ещё какой-то файл, который потом исчез.

Она снова открыла системный журнал. В одной из последних записей рядом с удалённым объектом стояла отметка времени. Через несколько минут после этого был изменён **MIRROR_02**. Элли записала время в блокнот. Теперь у неё появился первый настоящий след не внутри самого файла, а за его пределами — запись о том, чего на компьютере уже не было.

Элли снова вернулась к восстановленному фрагменту. Она увеличила окно, проверила исходную запись и ещё раз убедилась, что система действительно сохранила именно эти слова. Фрагмент был коротким, но теперь в нём появилось то, чего раньше не хватало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.